Новый союз

///примечание: относительно истории нашего мира, действие происходит где-то в начале XIX века.

Север королевства Антария, последний день года.

По старому тракту мчался странный безлошадный транспорт. Небольшой повозкой с двумя колёсами, окутанными голубоватой дымкой, управляла девушка в тёплой зимней куртке, кожаных брюках и высоких, до колена, сапогах. Глаза за стеклами толстых очков внимательно изучали паутину линий на окантованной серебром дощечке, прибитой между рукоятками управления.

Это изобретение инженеров Королевской Академии назвали «байком». Название, как и примерную конструкцию, подсказали сны, но всех деталей они не раскрыли, так что получившаяся машина оказалась слишком своенравной. Передача энергии между резервуаром с магическим топливом и колёсами требовала слишком большого мастерства наездника – ехать по прямой могли все, а вот с поворотами и тормозами возникли проблемы. Свою лепту внесла и чудовищная цена шин: без них колёса не выдерживали высоких скоростей, а подходящий упругий материал отыскался только на другом конце мира, в землях диких кочевников. В итоге, после года мучений и десятка покалеченных испытателей, проект заморозили до лучших времён.

Последний уцелевший байк директор Академии передал своей лучшей ученице, только что сдавшей на «отлично» выпускные экзамены. Лина, с детства невзлюбившая лошадей, с радостью приняла подарок, и очень быстро освоилась с ним, благо, овёс «Чёрному лебедю» не требовался, да и с ремонтом проблем не возникало, по крайней мере пока все поездки ограничивались местным ипподромом и окружающими столицу полями.

Всё изменилось месяц назад. Нужда в быстром неприхотливом транспорте заставила Совет вспомнить о диковинной повозке, и сейчас «Лебедь» на всех парах летел сквозь снежную бурю, увозя Лину всё дальше от уютного родного дома. Что случится, если байк сломается на полпути, девушка старалась не думать.

Единственным ориентиром в белой пелене, покрывающей весь мир, была карта поисковой магии. Когда с правой стороны мелькнул и исчез большой дорожный камень, молодая волшебница почти легла в седле, пытаясь не пропустить нужную развилку.

Один… Два… Т… Чёрт!

Байк резко затормозил, чуть не встав на дыбы. Чудом усидевшая на месте Лина закашлялась, сплёвывая снежные хлопья.

Тракт забирал влево, огибая тёмную стену вековых дубов. Покрутив головой, девушка увидела позади высокий деревянный столб и облегчённо вздохнула, заводя мотор. От небольшого металлического бака к двум посохам, закреплённым на скобах по бокам «Лебедя», потекли струи тумана.

– Давай, дорогой. Ещё немножко, и сможем отдохнуть. Мм, горячая водичка…

Мечтательно усмехнувшись, она развернула байк к занесённой снегом просёлочной дороге.

***

В редких разрывах туч проглядывало тусклое зимнее солнце. Оно уже клонилось к закату, в сгущающихся сумерках небольшая, дворов на двадцать, деревня казалась заброшенной. Лина проигнорировала старинные сосновые избушки, направив байк к единственному трёхэтажному зданию в округе.

Невесть кем построенный в такой глухомани трактир лучился светом из прикрытых ставнями слюдяных окон, с кухни доносился аромат жареного мяса, и рот девушки тут же наполнился слюной. Она завела «Лебедя» в промерзшую пустую конюшню, вытащила один из управляющих посохов, и опираясь на него, как на простую палку, направилась к двери.

Странно, что никто не смеётся… В такую погоду здесь вся деревня должна собираться. Напились в честь праздника и дружно уснули?

Она вошла в трактир и поняла, что ошиблась. Большой зал в самом деле был битком набит, сидевшие за круглыми столами селяне повернулись, молча уставившись на неё, как заговорщики на случайно попавшего на тайную сходку свидетеля. Лина едва удержалась от желания вдарить по ближайшим мужикам оглушающим заклинанием, ибо уже поняла причину столь странного поведения.

У камина, в окружении стайки детишек, сидел закутанный в длинный плащ человек. Стоя у входа, волшебница не видела его лица, но украшенный железным набалдашником посох узнала сразу – принадлежать он мог только сказителю. В полном соответствии со своим названием, они бродили по миру, готовые за еду и горстку монет навешать героической лапши на уши всем желающим. Чем и жили.

– А… Э… Добрый вечер, – Лина прочистила горло, требовательно глядя на пузатого трактирщика. Тот всплеснул руками и затараторил:

– Что ж это мы… Проходите, госпожа, будьте как дома. Мы гостям из столицы завсегда рады, вы не сомневайтесь. Хотите вина? Или чая? Смородинка есть, малинка… Или кушать хотите?

– Кушать, – волшебница села за свободный столик, выдавив из себя улыбку. – И молока. Тёплого.

Через пять минут она с удовольствием уплетала густую мясную похлёбку. Селяне, пошептавшись между собой, решили не приставать к благородной девице, способной (это ж все знают!) превратить кого угодно в пупырчатую жабу. Стребовав себе ещё пива, они повернулись к сказителю и приготовились слушать дальше.

– Так на чём я остановился?

– На злом дядьке! – Мальчонка лет восьми принялся нетерпеливо подпрыгивать, пока такие же взлохмаченные друзья не усадили его на пол.

– Злом дядьке, говоришь… А, точно. Эльтар Мудрый оказался совсем не таким мудрым, как о нём говорили. Он поверил Ригелю и согласился похитить королевский камень. И не просто согласился, а ещё и подбил на это дворцовую служанку, Эльзу. И вот, втроем они ночью прокрались во дворец. Эльза подсыпала сонного зелья в вино, подала его стражникам, и те уснули до самого утра. А пока они спали, Эльтар с Ригелем открыли дверь сокровищницы и забрали камень. Никем не замеченные, они уже собирались сбежать, но тут…

Лина достала из поясной сумки тонкую изогнутую трубочку, сунула её в кружку с молоком и принялась посасывать горячий напиток. Что-то в рассказе бродяги показалось ей смутно знакомым, словно эту историю она уже слышала раньше, только в сильно изменённом виде.

– …Он, конечно, попытался их остановить. Но куда там! Ригель ведь был сильным колдуном, он всего раз махнул рукой – и Байдин, прогремев доспехами так сильно, что даже спящие стражники проснулись, повалился на пол. А злодеям пришлось убегать, ведь не могли же они драться с толпой разозлённых воинов.

– А Байдин умер, да? – Девочка с удивительными ярко-рыжими волосами, похоже, собиралась заплакать, заметив это, сказитель ласково улыбнулся ей и уверенно ответил:

– Что ты, нет конечно. Он стал героем, женился и завёл много-много детей. Таких же славных, как вы.

Байдин? Ригель?.. Погоди, это же…

Лина наконец вспомнила, где слышала эти имена. Первым её желанием было схватить посох и ударить всей доступной силой. Вторым – сходить на улицу, вытащить из «Лебедя» ещё одну напоённую магией деревяшку и сравнять трактир с землёй. К счастью для ничего не подозревающих селян, смертоубийственные планы развеялись, как дым, когда девушка поймала внимательный взгляд из-под надвинутого на лоб капюшона. Голова сказителя едва заметно качнулась, палец на секунду прикоснулся к губам.

Да поняла я… Не дура же, – волшебница несколько раз вдохнула и выдохнула, успокаиваясь. *– В самом деле, что на меня нашло? Подумаешь, живой тёмный. И не таких видали. А вообще, если подумать…*

Она задумчиво уставилась на прислонённый к камину резной посох. И чем больше смотрела, тем ярче разгорались в глубине зрачков плотоядные огоньки.

***

Когда посиделки в трактире закончились, на чистом, без единого облачка, небе уже сияли редкие звёзды. Лина, прислонившись к «Лебедю», грела руки в карманах куртки, вдыхала морозный воздух и ждала. Шестое чувство подсказывало, что тёмный не упустит шанса поговорить с ней. И не то чтобы она так сильно жаждала встретиться с участником последней войны магов, который давным-давно должен был состариться и умереть, но, как ни крути, в такое время даже его помощь лишней не будет.

– Директор сказал бы, я что полная дура… – Она прикрыла глаза, наслаждаясь тишиной. – Связываться с таким…

Через пару минут ворота конюшни открылись. Бродяга, закутанный в подбитый мехом плащ, быстрым шагом направился к замершей девушке. Та никак не отреагировала на его появление, и тёмный, воткнув посох в землю, опустился на одно колено, принявшись изучать необычную повозку.

– Хм… Как оно ездит?

– Не твоё дело.

– Не очень-то вежливо… Тебе ведь что-то от меня надо?

Мужчина выпрямился, оказавшись одного роста с волшебницей. Из-под капюшона сверкнули удивительные изумрудные глаза, подсвеченные заклинанием ночного зрения.

– Надо, – она тряхнула головой, прогоняя сонливость. – Одолжи мне свой посох.

Тёмный моргнул.

– Посох? Зачем он тебе?

В голосе, слишком молодом, словно перед ней стоял двадцатилетний парень, сквозило искреннее удивление. Лина хитро улыбнулась.

– Какая тебе разница? Я завтра же верну, только… схожу кое-куда. По делам.

Цокнув языком, тёмный рассмеялся тихим переливчатым смехом.

– Наглость – второе счастье, да? Девочка, тебе не кажется, что ты слишком самоуверенна?

– Не кажется, – она еле удержалась от желания высунуть язык.

– Ну-ну… Только ты забыла кое-что. В посохе заключена моя жизнь, без него я и часа не протяну.

Веселье куда-то испарилось. Сказитель шагнул вперёд, заставив Лину отпрянуть, больно ударившись о металлический бортик «Лебедя».

– Если тебе так нужна моя помощь – рассказывай, в чём дело. В эту глушь новости из столицы доходят очень медленно, так что мне о-очень интересно узнать, что здесь делает выпускница Академии.

Он поднёс палец к золотой трёхзубой короне, вышитой на куртке девушки. Та вздрогнула,

на автомате перехватывая руку.

– …

Повисла неловкая пауза. Тёмный не пытался вырваться, а Лина утонула в глубине зелёных глаз, постепенно заливаясь краской. Лишь после осторожного «кхм…» она пришла в себя, отбросила его руку и обессиленно выдохнула.

– Не надо так на меня смотреть… Мы потеряли связь с магистром Геллером, так что я должна проверить, всё ли с ним в порядке. Геллер это…

– Я знаю, кто такой Геллер. Давненько я не заглядывал к старику.

Сказитель переступил с ноги на ногу. Разглядеть выражение его лица девушка не смогла, зато явственно услышала нотки беспокойства в голосе.

– Только при чём здесь мой посох? Ты что, драться с ним собралась?

– Не с ним… Вернее, не совсем с ним… Мм, в общем, если вкратце – всё очень серьёзно.

Лина замялась, подбирая слова. Потом громко зевнула, прикрыв рот ладонью.

– Похоже, рассказ обещает быть долгим… Хорошо, поговорим утром. Спокойной ночи…

Ничего ведь плохого не случиться, если я скажу ему?

– Лина. Лина Финнс-Мари.

Старинный дворянский род был довольно известным, но тёмный никак не отреагировал, и девушка недовольно надула щёки.

– Лина так Лина. Можешь звать меня Ветром.

Он повернулся к двери, не обращая внимания на вытянувшееся лицо волшебницы.

– Эй, какой ещё Ветер? Я же назвала тебе своё имя!

– А не надо было прогуливать уроки, – плечи тёмного вздрогнули от смеха. – Что б ты знала, имена имеют большую силу, хотя… сейчас об этом почти все забыли. Спокойной ночи, Лина.

Вот же… Чёрт!

Покопавшись в памяти, она вспомнила Зорана, преподавателя защитной магии. О чём-то таком он говорил на своих занятиях, но ни один, даже самый примерный, студент Академии не выдерживал бормотание старика дольше десяти минут.

Ла-адно, не важно. Злодеем он не выглядит, так что бояться нечего… так ведь?

Если бы «Лебедь» обладал разумом, умел говорить и, заодно, читать мысли, он, наверное, смог бы ответить. Увы, верный друг был всего лишь бездушной машиной, и Лина, уныло вздохнув, поплелась к трактиру, намереваясь стребовать с хозяина полную ванну горячей воды.

***

К утру погода снова испортилась: выл ледяной ветер, небо затянули тучи, извергающие потоки снежной крупы. Нормальные люди в такое время нежатся у камина, или в нагретой за ночь постельке, вот только у Лины не было времени на отдых.

Девушка в компании нового знакомого сидела в полупустом зале трактира, отчаянно зевая. Горячий травяной чай не мог прогнать остатки ночных видений – призрачных пейзажей далёких миров и странных многоглазых зверей, рвущих друг друга на части. Во сне она была одним из них, и сейчас вливала в себя кружку за кружкой, пытаясь избавиться от мерзкого привкуса крови.

Когда мне в последний раз снилась такая дрянь? Пару лет назад?

– Ну? Что думаешь?

Ветер, дослушав рассказ, погрузился в раздумья и замер, превратившись в копию популярной в Академии скульптуры «Задремавший философ». Ответное молчание лишь усилило сходство, Лина едва удержалась от желания постучать по лохматой голове своих посохом, «на удачу», как говорили нерадивые студенты перед экзаменами.

Сев за стол полчаса назад, тёмный откинул капюшон, и Лина не смогла скрыть удивление. Война закончилась давным-давно, а время не оставило на его лице никаких следов. Не худое и не полное, заросшее многодневной щетиной, оно могло принадлежать мужчине лет тридцати, если бы не глаза – бездонные колодцы с зеленоватой водой. Они привлекали внимание, завораживали, и девушка наконец поняла, почему Ветер так любит свой потрёпанный плащ.

Когда Лина уже собиралась в самом деле огреть мужчину посохом, тот очнулся, усмехнулся при виде её реакции и спросил:

– Значит, старого Геллера могли сожрать эти кошмары? Никогда не слышал ни о чём подобном, а я ведь живу… сама знаешь сколько.

– Хочешь верь, хочешь не верь, но я своими глазами видела, во что они могут превратить человека. Конечно, будет замечательно, если у него просто сломался приёмник, но…

Она не стала продолжать, помотала головой, допивая остывший чай.

– А мой посох тебе нужен?..

– Мм, энергии много не бывает, – Лина пожала плечами. – Три посоха лучше двух. Но-о, если не хочешь помогать – справлюсь сама, не маленькая уже.

– По сравнению со мной…

Ветер оборвал фразу, ощутив лёгкий пинок в бедро. Девушка невинно улыбалась, и он потёр переносицу, закончив совсем не так, как собирался:

– Опыта у тебя маловато. Посох, конечно, я не отдам, а вот поработать прикрытием… Почему бы и нет.

***

«Лебедь» скользил по заваленной снегом тропе. Снег под колёсами, мерцающими голубым светом, шипел, плавился ручейками воды, застывающими позади байка корочкой льда, а рядом бежал, проваливаясь по колено, огромный чёрный жеребец с одиноким всадником на спине. Ехать на нём Лина категорически отказалась, даже несмотря на то, что это помогло бы сэкономить её магию. Лошадей, особенно таких, похожих на выходцев из Бездны, она, мягко говоря, не любила.

Дом отшельника Геллера, много лет назад решившего подыскать тихое безлюдное место для своих исследований, выплыл из снежной пелены неожиданно. Двухэтажное каменное здание стояло посреди очищенной от деревьев поляны, вокруг расстилалось ромашковое поле с редкими вкраплениями кустов малины, увешанных спелыми ягодами.

Эээ…

Волшебница сунула очки в карман, протерла глаза, но дикая картина летней поляны посреди зимнего леса не собиралась исчезать. Оглянулась – в шаге от зелёной травы бушевал снегопад, из глубин которого, как пиратский корабль из тайной пещеры под водопадом, медленно выплывала лошадиная морда.

Спрыгнув с коня, Ветер огляделся и присвистнул, расстёгивая плащ.

– Ну и жара… Я, конечно, знаю магию, способную управлять погодой, но таких чудес ещё не встречал. Это плохой знак?

Лина, не ответив, вытащила из байка оба посоха, воткнула один из них в землю, и резкий порыв ветра пригнул пожелтевшую траву к земле.

– Иллюзия?..

– Не похоже, – сказитель повторил её жест. Земля под ногами вздрогнула, ягоды посыпались с ближайшего куста, ещё в полёте чернея и рассыпаясь в пыль.

– Я бы сказал, что наша магия противоположна этой.

– И твоя, и моя, да?.. Похоже, я не зря боялась… Погоди немного, у меня есть идея.

Облизнув губы, Лина поставила рядом с первым посохом второй. Кристаллы в навершиях

замигали, когда девушка принялась шептать длинное заклинание.

– Словесные формы? – Ветер скинул плащ на землю, оставшись в простой белой рубахе. – А ты полна сюрпризов, девочка. Кажется, я догадываюсь, кто тебя учил.

Волшебница едва заметно кивнула. Она закрыла глаза, сконцентрировалась на своей магии, уже не замечая, как из открывшейся двери к незваным гостям выходит худой горбатый старик. Старомодная мантия висела на нём, как на вешалке.

– Вот так встреча! Ветер, что же ты стоишь, проходи в дом.

Геллер дружелюбно улыбался, словно не замечая Лину. Пройдя десяток шагов, он упёрся в невидимую стену, повёл рукой в воздухе и озадаченно почесал бороду.

– Хм-хм… О, ты и гостью с собой привёл. Проходите, не стесняйтесь, у меня как раз бутылочка отличного вина припасена. Выпьем, новости расскажете… Хотя нет, вино я уже выпил…хм…

Сколько его помню, старик всегда был трезвенником. И никогда не мямлил , – Ветер промолчал, с посохом в руке вышел вперёд, загородив собой девушку. – *Но какого беса я ничего не чувствую?? Ни следа чужой магии!*

За пределами поляны крутились снежные вихри, а внутри сладко пахли распустившиеся цветы. Геллер, стоя на месте, втягивал носом воздух и продолжал, как заведённый, манить гостей к себе. То, что они не отвечают, его нисколько не смущало.

Пару минут спустя голос Лины, заканчивающей заклинание, взлетел и резко оборвался. Кристаллы неуверенно мигнули.

Мгновение тишины, и погружённые в землю посохи исторгли волну бледно-голубого света, накрывшую поляну. Цветы, трава и кустарник – всё застыло, будто замороженное.

– Всё… Сработало?

Девушка заметно побледнела, хотя падать вроде бы не собиралась. Убедившись, что с ней всё в порядке, тёмный повернулся к Геллеру и выругался про себя: невидимая преграда исчезла, старик приближался к парочке, довольно улыбаясь. Не колеблясь ни секунды, маг взмахнул посохом, отправив неведомую тварь, принявшую обличие человека, в полёт. Она врезалась в стену дома и тут же зашевелилась, пытаясь подняться.

– Плохо сработало! Это и есть твой кошмар?

Лина не успела ответить, стоило ей выдернуть своё оружие из земли, как пространство вокруг покрылось трещинами, рассыпалось, как битое стекло. Поляну мгновенно замело снегом, сверкающий свежей краской дом превратился в груду развалин, а из спины шатающегося, как пьяница, Геллера выросла огромная многолапая тень, и тут же принялась выть. Повинуясь зову, из теней позади неё повалили дымчатые пауки, сороконожки, изгибающие длинные тела, какие-то совсем уж невообразимые монстры, все как один наделённые длинными когтями и широкими пастями, полными острых зубов.

– Их можно убить? Лина!

– Нет, – Она вздрогнула, приходя в себя. – Это… как бы иллюзия. Надо развоплотить её, обрезать связь с нашим миром, понимаешь?

– …

– Просто дай мне время. Сдерживай их всей своей силой.

Девушка скрестила посохи перед собой, кристаллы тускло засветились, наливаясь голубоватым огнём, и это послужило сигналом – твари, издав слитное рычание, рванули вперёд.

Ха! Прямо как в старые добрые времена! – Ветер, чувствуя, как закипает кровь в жилах, призвал свой дар, обрушивая на врагов водопад заклинаний.

Началась битва, больше похожая на одностороннее избиение. Ожившие кошмары горели, застывали глыбами льда, обращались в пар и бессильно шипели, царапая когтями вырастающие

на пути каменные стены. Вот только клубящийся позади Геллера туман безостановочно рождал новых слуг.

Очень скоро сказитель понял – долго он так не продержится. Хотя по отдельности они и рядом не стояли с магистрами светлой магии времён последней войны, но те хотя бы чувствовали боль и усталость.

– НЕ ПЫТАЙСЯ УБИТЬ ЕГО! – Лина, угадав ход мыслей партнёра, прокричала сквозь рёв заклинаний. – Я САМА! СЕЙЧАС, ЕЩЁ НЕМНОГО!

Два посоха источали густой синий свет, такой яркий, что становилось больно глазам. Кристаллы покрылись паутиной трещин, не выдерживая напора энергии. Доведя их до предела, девушка с резким «Ха!» вбила окованные сталью основания в землю.

Время словно остановилось. Снежинки повисли в воздухе, замерли в прыжке кошмары, и даже шум ветра стих, погрузив поляну в звенящее безмолвие.

– ПА-А-АДАЙ!

Ветер повернул голову, но не успел среагировать, покатился по снегу в обнимку с бросившейся на него девушкой. А в следующую секунду мир исчез, поглощённый чудовищным взрывом.

***

– Не выспалась?

– Не-а… А-а-у!

Лина уныло вздохнула, обводя взглядом трактир. Мужичок с хитрыми маленькими глазками улыбнулся ей и вернулся к игре в кости с двумя такими же бездельниками. На столе рядом с ними возвышалась горка медяков. Больше в зале никого не было, пузатый хозяин наводил порядок на втором этаже, а желающих проводить сказителя в дальний путь не нашлось.

Впрочем, этого стоило ожидать: после случившегося в лесу обещанные посиделки у камина превратились в отпаивание двух волшебников литрами горячего молока. Уставшие, в обгоревшей одежде, они ввалились в трактир, до полусмерти напугав селян, и наотрез отказались отвечать на вопросы.

– Я тут подслушал разговоры.

– И? – Лина подняла глаза от кружки.

– Похоже, половина деревни считает, что мы убили и ограбили Геллера. Его тут, знаешь ли, считали сильным колдуном.

– Мм… А вторая половина?

– Вторая, – Ветер усмехнулся. – Думает, что мы отправились на романтическую прогулку. Там слегка… поссорились. А потом помирились. Если ты понимаешь, о чём я.

Девушка только кивнула, и снова уткнулась в кружку с молоком. Ветер, удивлённый такой реакцией, внимательно посмотрел на неё.

– С тобой точно всё в порядке?

– Да точно-точно. Я просто устала… Чувствую себя как после экзаменов по боевой магии. Ты не передумал?

Она резко сменила тему, мужчина не сразу сообразил, в чём смысл вопроса. А когда понял – с серьёзным видом покачал головой.

– Не нравится мне всё это. На людей мне, по большому счету, плевать, но если такие твари расплодятся по всему миру… В нём просто не останется спокойного места. К тому же, очень уж хочется посмотреть, что вы там наизобретали с этими… снами.

– Но…

– Не волнуйся, мы с твоим учителем – старые знакомые. И, не считая тебя, он единственный, кто знает меня в лицо.

Лина понимающе кивнула. История древних войн была дополнительным предметом, под завязку набитым именами и датами, так что за последние лет двадцать всего один человек добровольно согласился изучать её. А Ветер, если не заглядывать в глубины его дара, ничем не отличался от обычного волшебника.

– Придётся взять твой посох. У меня только один остался…

Она поднялась, с хрустом потягиваясь. Бросила пару монет на стойку трактирщику и уже собиралась направиться к двери, но тёмный, встал перед ней, взял пальцами за подбородок и нахмурился, ничего не говоря. Зелень глаз смешалась с золотом ночного зрения.

– Эмм…

– Сегодня они лучше видны… Как, ты говоришь, начинается заражение?

Девушка сглотнула ставшую горькой слюну.

– Заражение?.. Радужка покрывается чёрными нитями… И они… то исчезают, то… Ты ведь шутишь, да? Скажи, что шутишь!

Она отпрянула, обшаривая карманы куртки, вытащила маленькое, в два пальца шириной, зеркальце и уставилась в него. Света от заклинания вполне хватило, чтобы убедиться – не шутит.

Вопреки ожиданиям сказителя, Лина не ударилась в панику, только зажмурилась и сжала пальцы в кулак. На доски пола закапала алая кровь.

– Ха…

– Странно, не слышу истеричных воплей «ПОЧЕМУ Я???» Быстро ты смирилась с ужасной смертью.

– Очень смешно, – девушка сунула зеркальце в карман. От куртки всё равно осталось одно название, пятном больше, пятном меньше – какая разница. – Больно…

– Кажется, понимаю, – Ветер схватил раненную ладонь. Он мало что смыслил в лечебной магии, но с такими порезами справился бы и студент первого курса. – Ты ещё не до конца осознала, что случилось. Сейчас немного подождём – и будешь вопить, рыдать, по полу кататься. Потом начнёшь биться головой об стену…

– Прекращай, – Лина выдавила из себя улыбку. – У меня в запасе не меньше месяца. До столицы неделя пути, времени в обрез, но… вполне хватит.

– Вполне хватит на что? Вы за пять лет не смогли разобраться в природе этой магии. Думаешь, ради тебя старики ускорятся? Надеешься на чудо?

Плюнув на исцелённую ладонь, Лина вытерла её об штаны и удовлетворённо кивнула при виде гладкой, без единого шрама, кожи.

– Не думай, что я маленькая наивная девчонка, – начала она, внимательно глядя в изумрудные глаза мужчины. – Я ведь не зря использовала словоформы. Когда мы сражались с Геллером, наши посохи впитали в себя рисунок его магии. Магистры-теоретики в столице постоянно жалуются на нехватку материала для исследований, они до потолка прыгать будут, когда увидят, что мы привезли. И, если повезёт, этого хватит для разработки противоядия. Можешь считать, что я надеюсь на чудо, но что мне ещё остаётся? Вскрыть себе горло? Или забиться в угол и ждать конца? Да ни за что!

Ветер долго молчал. А когда открыл рот – в его голосе девушка услышала нотки досады, скорее на самого себя, чем на неё:

– Похоже, наш общий знакомый ещё не разучился искать самородки среди мусорных куч. А я за давностью лет совсем позабыл про это его увлечение. Прости.

– Я не ожидала встретить настолько сильные кошмары, – Лина покачала головой. – Без тебя я бы не справилась, так что…

Она протянула раскрытую ладонь.

Вот уж чего я точно никогда не хотел – так это быть нянькой для неопытной волшебницы. Но… похоже, будет весело?

Мгновение спустя Ветер, ухмыльнувшись, ответил на невысказанный вопрос крепким рукопожатием.

Лисья жизнь(*)

На первый труп *он* наткнулся в коридоре. Мужчина в тёмно-синем полицейском бронежилете лежал на спине, раскинув руки в стороны. Кровь из рваной раны на шее растеклась широкой лужей, поблёскивая в свете старой настенной лампы. Отстегнув шлем, *он* вгляделся в худое лицо, искажённое маской ненависти. Прикрыл остекленевшие глаза, и, выкинув незнакомого оперативника из головы, направился вглубь квартиры, куда уходили, переплетаясь, едва заметные цепочки следов.

По пути *он* заглядывал в боковые комнаты, но никаких признаков боя не обнаружил. Рабочий кабинет и большой зал, похоже, редко использовались по назначению, мебель в них покрывал толстый слой пыли. Ящики стола и полки высоких шкафов пустовали.

Остановившись на пороге спальни – последней неисследованной комнаты, *он* часто заморгал, привыкая к лунному свету, льющемуся из распахнутого настежь окна балкона.

Возле двери лежал ещё один труп, с вошедшим в живот по самую рукоять кинжалом. Убийца воспользовался оружием первой жертвы, но вытащить его не успел, сражённый очередью из пистолета-пулемёта. Ковёр на стене и одеяло на незаправленной кровати покрывал толстый слой засохшей крови.

Даже *он*, привычный к таким картинам, поморщился от густого металлического запаха. Подошёл к третьему оперативнику, задумчиво осмотрел его горло, превратившееся в кашу из мяса и позвонков, и выпрямился, водя языком по зубам.

Широкая красная дорожка тянулась к балкону. Невероятно живучее существо, похоже, оказалось достаточно смелым, чтобы выпрыгнуть в окно девятого этажа, не дожидаясь вражеского подкрепления. На всякий случай *он* глянул вниз – асфальт сиял девственной чистотой. Ни живых, ни мёртвых поблизости не оказалось.

Он знал – беглец торопился, значит, мог забыть что-то важное. Пять минут спустя в обувной коробке, задвинутой под кровать, *он* нашёл потрёпанную книгу в розовой обложке. Выведенные на корешке знакомым аккуратным почерком буквы гласили: «Посторонним не влезать! Убьёт!».

Хмыкнув, *он* поднял глаза к потолку. От вкрученной в патрон лампы накаливания остались одни воспоминания, луна за окном постепенно скрывалась в тени густых облаков, а других источников света в комнате не было.

Подумав, *он* вернулся в рабочий кабинет, щёлкнул выключателем, прилёг на пыльный диван и открыл книгу. С фотографии, приклеенной к обратной стороне обложки, улыбалась девушка в вязаном берете, из-под которого торчали неровно обрезанные чёрно-рыжие волосы. Рядом, положив руку ей на плечо, стоял мужчина, молодой, но с бесконечно усталым, изрезанным морщинами, лицом.

Хозяйка дневника не захотела подписывать фото, но этого и не требовалось. Свою цель *он* узнал сразу, даже не смотря на многолетнюю пропасть. Бросил взгляд на экран телефона, перевернул исчирканную пастой первую страницу и погрузился в чтение.

*****

Необходимое предисловие.

Идея записать куда-нибудь свою жизнь пришла ко мне несколько лет назад. Долго же я собиралась… Конечно, многое уже стёрлось из памяти, но я чувствую, что должна оставить что-то после себя. Если мы не справимся, и я попаду в плен, или погибну – они и так знают обо мне всё. Если же эти строчки читает кто-то другой – знай, ты держишь в руках очень опасную вещь. Никому не говори о ней, если не хочешь неприятностей. Многие, конечно, не поверят, но

найдутся и те, кто решит найти доказательства моих слов. ~~А я не хочу, чтобы из-за меня пострадали невинные люди.~~ нет, в самом деле не хочу. Бесполезно бороться с ветряными мельницами, если не готов идти по головам… Я узнала об этом очень давно. Хотя, наверное, так и не смирилась. Мир – штука несправедливая, только некоторые считают, что достаточно приложить усилия – и всё получится. Эти умники забывают одну простую вещь – те, кто стоит на вершине пищевой цепочки, не любят конкурентов. Они ведь тоже вложили всё, что имели, и добровольно с насиженного места не сдвинутся.

Чёрт, кажется, я сама начинаю умничать. Думаю, пора уже начинать рассказ. Ох и длинным он будет…

***

Зовут меня ~~Лиса~~ Алиса Нестерова. Папа, когда нашёл меня, долго думать не стал, назвал в честь, так сказать, отличительных признаков. Один такой признак сейчас бьёт меня по ноге… Большой, пушистый, рыжий. Одним словом – хвост. Ещё есть уши – длинные, с кисточками, больше похожие на рысьи, но тоже рыжие, с чёрными ободками.

~~В остальном я ничем не отличаюсь от человека~~ Влад вот напомнил, что иногда, когда я злюсь, прорезаются клыки и когти. Совсем небольшие, так что в бою почти бесполезны, да и разозлить меня ТАК сильно надо ещё постараться, вот и забыла о них. И ещё две особенности, но о них как-нибудь потом. Знаю, люди теряются, если вываливаешь на них слишком много информации сразу.

***

Сейчас мне двадцать пять, значит, заварилась вся эта каша в 1998 году. Папе тогда было девятнадцать, он учился на втором курсе маленького городского университета. Хотел стать архитектором, подрабатывал где-то на стройке, и все свободные деньги тратил на пьянки с друзьями и подарки своей первой девушке. Вдвоём они снимали квартиру в старенькой хрущёвке, жили, конечно, бедно, но им хватало. Пока не появилась я.

***

Тихий осенний вечер. По освещённой редкими фонарями дороге неторопливым шагом идут, держась за руки, двое влюблённых. Воздух ещё хранит тепло бабьего лета; в бескрайнем голубом небе, подсвеченном последними лучами закатного солнца, величаво плывут фантастические звери. Они сменяют друг друга, как кадры диафильма, и девушка, запрокинув голову, звонко смеётся:

– Смотри, смотри! Вон то на тортик похоже!

– Ань… Ну где ты видела тортики с хвостами?

– Ничего ты не понимаешь, это ложка! Длинная такая. Ну, или поварёшка.

Дмитрий, усмехнувшись, тянет её за собой. К богатому воображению подруги он давно привык, ведь именно это и привлекло его в студентке с параллельного потока – скромной светловолосой девушке, отличнице, мечтающей о прекрасном принце.

Принцы в глухую российскую провинцию почему-то не спешили, но полгода назад, дожидаясь автобуса на залитой водой остановке, парень с девушкой, встречавшиеся до этого разве что на лекциях по математике, жарко поспорили о смысле дождевых узоров на стекле. Первое впечатление часто бывает обманчивым, и следующая случайная встреча закончилась свиданием в уютном маленьком кафе.

Букеты, конфеты, знакомство с родителями – их отношения прошли проверку временем, и парень, думая о спрятанном в ящике стола золотом кольце, тепло улыбается Анне.

Они продолжают свой путь, не замечая, как стремительно пустеет улица. Смолкает шум автомобилей, асфальт заволакивает невесть откуда взявшийся туман. Когда в воцарившейся тишине раздаётся звук, похожий на треск электрических разрядов, девушка наконец замечает

неладное и, вздрогнув, прижимается к любимому.

– Ди-им… Что это? М-мне страшно…

Он не успевает ответить, наваждение исчезает так же быстро, как появилось. Из ниоткуда появляются спешащие по своим делам прохожие. Старушка с набитой продуктами сумкой раздражённо ворчит, огибая замершую посреди дороги парочку.

– А… Ань, может нам показалось? Смотри, никто ничего не заметил.

– Как это «показалось»? – Она недоверчиво качает головой. – И тебе и мне одновременно? Мы же не пили, и таблеток никаких не ели… Пойдём домой, пожалуйста!

Тот не отвечает, вертит головой, прислушиваясь к тихому, едва заметному голосу.

– Подожди, там… плачет кто-то?

– Плачет? – Анна хмурится. Слова «тебе кажется» застревают в горле. – Мм… Точно. Вон там!

В грязном тёмном переулке они почти запинаются о небольшой свёрток. Девушка, чертыхнувшись, осторожно поднимает его, разворачивая обуглившиеся по краям тряпки. При виде того, что лежит внутри, она тут же забывает свои страхи.

– Это же ребёнок. Бедняжка, мама тебя бросила, да? Дим, смотри какая красивая.

– Девочка? – парень улыбается прекратившей плакать малышке. Та хихикает в ответ, протягивая вверх ручку. В больших сапфировых глазах мерцают жёлтые блики, словно где-то там, в глубине, полыхает пламя костров. – Слушай, а… что у неё с ушами?

– А что с ними? Просто волосами закрыты. Погоди, сейчас на свету посмотрим.

Только подойдя к ближайшему фонарю, Аня понимает, что смутило друга. Вдвоём они молча смотрят на длинные рыже-чёрные треугольники ушей.

– Дим, она что… не человек?

***

Ребёнком я оказалась примерным. Не капризничала, не будила по ночам, и даже не болела как все нормальные дети. Только как объяснить людям, откуда свалилось такое чудо? Ведь папа с Анной учились, работали, и совсем не планировали заводить потомство настолько рано.

В конце концов, они посвятили в тайну папиных родителей. Те в жизни всякое повидали, так что не особо удивились появлению столь «необычной» внучки. Это дедушка предложил для прогулок и игр с другими детьми прятать мои уши под шляпками и беретами, а хвост – под длинными юбками. Конечно, маскировка была не особо надёжной, но посторонние детскую болтовню обычно не слушают, а соседи, к счастью, оказались людьми не болтливыми.

Воспитывали меня вчетвером, в свободное от работы время, пока мне не стукнуло пять лет. И вот тогда пришлось крепко подумать, что делать дальше. Ведь в детский сад «лисёнка», как меня называла бабушка, решили не отдавать, но в школу-то я должна была пойти. Все это понимали, Анна учила меня считать и писать, благо, папа, после учёбы занявший пост менеджера в крупной строительной фирме, уговорил её уволиться с работы.

Вот только отношения между ними испортились… Как там говорят: «Прошла любовь, завяли помидоры»? Каюсь, в этом была и моя вина. Папа любил меня… даже слишком сильно.

***

– Где моя лисичка? Во-от она!

Просторную комнату заливает яркий солнечный свет. Девочка смеётся, болтая ногами в воздухе, её длинные волосы сияют рыжим огнём.

– Па-ап! Пусти-и!

– Что такое? – Ещё немного покружив Алису, Дмитрий осторожно ставит её на пол, вглядываясь в удивительные синие глаза. – Тебе ведь раньше нравилось. Думаешь, стала слишком взрослой? А вот твой хвостик думает по-другому.

– Непра-авда…

Она краснеет, опуская глаза. Пытается поймать прыгающий из стороны в сторону хвост, но он вырывается, выскальзывает из руки, как живой.

Дмитрий ласково треплет девочку по голове, но тут же мрачнеет при виде прислонившейся к дверному косяку жены. Анна, скрестив руки на груди, недовольно кривит губы.

– А меня ты не хочешь обнять?

– Ань, ты опять начинаешь?

– Опять начинаю? Серьёзно? Скажи-ка, когда ты в последний раз меня обнимал? Говорил, что любишь? А?

– Вчера ночью, например, – он глубоко вздыхает. – Слушай, ты можешь нормально объяснить, что тебе не нравится? Ты уже несколько месяцев себя так ведёшь, и я всё ещё не понимаю, почему.

– Не понимаешь, значит? – Она злорадно ухмыляется, с каждым словом распаляясь всё больше. – А я сейчас объясню! Мне не нравится, что ты уделяешь ей больше внимания, чем мне. Не нравится, что первым делом после прихода с работы ты идёшь к Алисе. К ней, а не ко мне! Мне надоело весь день сидеть с ней, я ведь тоже хочу иметь личную жизнь, а тебе на это плевать! Она ведь твоя любимая дочка, твоя… лисичка!

Неосознанным движением прижав к себе девочку, парень в полном недоумении смотрит на Анну. Понимание приходит медленно, слишком уж невероятна сама мысль об этом.

– Стой, ты что… ревнуешь? К ней? Ты с ума сошла! Алиса – наша общая дочь, мы же вместе решили о ней заботиться!

– Решили… – Голос девушки пронзает боль. – Лучше бы мы решили отдать её в детский дом.

– Ты… Никогда, слышишь! Никогда так больше не говори. Она ведь…

– Не человек? И что с того? Просто чудо, что за пять лет соседи не разболтали об этом на всю округу. Только, сейчас ты собираешься отдать её в школу. А в школе не носят головные уборы, это ты понимаешь? А что насчёт мед. осмотров? Физкультуры? Об этом ты подумал?

Он отводит глаза всего на мгновение и твёрдым голосом отвечает.

– Подумал. Мы с родителями посовещались, и решили… будь что будет. Ты права, люди всё равно узнают, так что будет лучше, если мы расскажем сами. Отец связался с одним знакомым, тот работает на телевидении. Сделаем из Алисы звезду экрана. И, кстати, она уже согласилась.

– Ага, – девочка кивает, махая пушистым хвостом. – Папа сказал, это будет здо-орово.

Анна молча смотрит на беззаботно улыбающуюся лису. Недоверие на лице девушки постепенно сменяется холодной яростью.

– Согласилась? А… А мне ты сказать забыл, да? З-забыл сказать, что все эти годы я потратила зря?

– Прости…

– Прости? – Запрокинув голову, она беззвучно смеётся сквозь слёзы. – Прости?? Знаешь, что?.. Да иди ты к чёрту! И ты, и эта твоя... Да делайте что хотите!

Она пулей вылетает из комнаты, не слыша криков Дмитрия. Алиса испуганно вздрагивает от громкого хлопка входной двери, она не понимает, что случилось, и требовательно дёргает отца за рукав.

– Па-ап? А почему мама убежала?

Он отвечает не сразу. Лишь тёплый взгляд сапфировых глаз растапливает сковавшие сердце ледяные пальцы. Расслабляются сжатые до боли кулаки, и, сделав глубокий вдох, Дмитрий выдавливает из себя улыбку.

– Всё хорошо, малыш… Мама вернётся. Обещаю.

***

В тот день Анна пришла домой поздно, когда я уже спала. Папа никогда не рассказывал, о чём они говорили ночью, но через неделю, как гром среди ясного неба, грянул развод. Анна собрала вещи, вернулась к родителям, и мы с ней больше никогда не встречались.

Я уже не помню, насколько болезненно пережила её уход, зато прекрасно помню, как папа чуть не ушёл в запой. Хорошо, дедушка быстро вправил ему мозги, напомнил об ответственности за мою жизнь, и это сработало… даже слишком хорошо сработало. ~~Думаю, дедушка уже тогда понимал чувства сына. Чувства, которые он открыл мне лишь в последние минуты своей~~

Сейчас мне кажется, что, даже не будь меня, папа с Анной всё равно бы расстались, рано или поздно. Люди меняются со временем, самые искренние чувства уходят, оставляя боль и сожаление. Мы живём надеждой… Надеждой когда-нибудь пережить их ещё раз.

Для папы символом такой надежды была я, маленькая наивная лисичка. Он смотрел в будущее с оптимизмом, и вряд ли представлял, чем обернётся решение вывести меня в люди.

О, это было нечто. Репортёры и учёные со всего мира слетались посмотреть на «лису-мутанта». В то время по телевизору как раз крутили японские мультики с такими героями, так что у меня сразу появились толпы восторженных поклонников. Среди них нашлись и вполне уважаемые люди, они помогли отбиться от сумасшедших, предлагавших запереть меня в какой-нибудь лаборатории, толи для сохранения нового вида, толи для защиты людей от… как они там говорили, «неизвестных науке болезней»?

Первые годы учёбы были настоящим адом для нашей семьи. Это сейчас я уверена в этом, а тогда бесконечные интервью (за которые мы, кстати, брали немаленькие деньги) прямо посреди уроков, радовали меня, ведь детям нравится быть в центре внимания. Чувствовать себя не такими, как все, уникальными. А я не просто чувствовала, я БЫЛА уникальной. Единственной девочкой с ушками и хвостиком на весь мир.

***

Со временем шумиха вокруг меня утихла. В конце концов, уши и хвост сами по себе ничего не значат, важно то, какой ты человек. А я была обычным ребёнком, не гением и не красавицей. Когда одноклассники повадились дёргать меня за, так сказать, выступающие части тела, я вернулась к длинным юбкам и беретам, и в таком виде уже ничем не отличалась от других девчонок. Не считая тех самых «особенностей».

Во-первых, оказалось, что я, как Росомаха из комиксов, могу регенерировать. Стрелять в ребёнка из автомата, правда, никто не пытался, но вот взять кровь из пальца оказалось непосильной задачей – порез моментально затягивался.

Это, конечно, привлекло внимание учёных, и стала бы я подопытным кроликом, если бы не вторая особенность: лечить я могла только себя. Взятая из вены кровь прямо на глазах сворачивалась и превращалась в бесполезную кучу «органических остатков», как их по-умному называл один профессор. ~~Седой такой, в очках~~

Над этой загадкой учёные бились очень долго, но так и не смогли найти решение. В конце концов они оставили меня в покое, попросили только проходить регулярные обследования. Обещали хорошие деньги, так что мы не стали отказываться.

***

На дворе стояло лето 2012 года. Мы с папой давно перебрались в элитную многоэтажку в центре города. Жили как все нормальные люди: он работал директором строительной фирмы, я – собиралась в десятый класс, подумывала через пару лет поступить в столичный университет, и пыталась понять, чем хочу заниматься.

К тому времени все полагающиеся шестнадцатилетней девице-красавице части тела подтянулись, подросли и начали привлекать внимание. Глупо было не воспользоваться этим, с такими-то пушистыми «особенностями» так что я попыталась поиграться с вебкамом… До сих пор вспоминаю, как горели уши, когда папа ткнул пальцем в газетную статью и спросил: «Алис, тебе не кажется, что ЭТИМ заниматься ещё рановато?» Он так ехидно улыбался, что я готова была сквозь землю провалиться.

Буквально на следующий день на е-мейл посыпались предложения фотосессий от модных журналов. Я рассказала о них папе, он позвонил своим родителям, с которыми до сих пор частенько советовался по поводу моего воспитания, и на семейном совете эта троица хохотала до слёз, пытаясь убедить меня хотя бы разок поучаствовать в сьёмках. До того «эксперимента» с камерой я даже на пляже ни разу не была, так что уговоры затянулись до позднего вечера, и, конечно, я позорно проиграла любопытству и желанию показать себя миру, который, гад такой, вздумал забыть обо мне.

За один день превратить обычную школьницу в модель невозможно. Поза, походка, взгляд – я-то, наивная, думала, что достаточно прийти и попозировать фотографу. Вот только реальность оказалась куда более суровой. К концу дня, вернувшись домой, я падала на кровать и спала, как убитая, до самого утра. Надо было спешить – до первого сентября оставалась пара недель, а бросать школу ради карьеры я не собиралась. Да и папа вряд ли одобрил бы подобное решение.

***

Влад как-то сказал, что судьба всегда найдёт тебя, как бы ты ни старался от неё спрятаться. Не даст забыть о том, что ты – всего лишь человек. Не больше и не меньше. Той осенью я на своей шкуре убедилась в его правоте.

Наш класс всегда по большей части состоял из девчонок. Пока я была никем – мы дружили, но вторая волна популярности вдруг вытащила наружу всю накопившуюся грязь. Зависть, ненависть к тем, кто в чём-то лучше тебя, чем-то выделяется из серой массы – обычное дело в нашем мире, только я-то к ним не привыкла. И никак не могла понять, почему вчерашние подружки смотрят на меня, как на злейшего врага.

Сейчас – понимаю. Они думали, одной внешности мне хватило, чтобы взлететь на недосягаемую высоту. Сами не хотели и пальцем пошевелить, только шептались за спиной, называли шлюхой, думая, что я не слышу.

С каждой успешной съёмкой обстановка раскалялась всё больше. Я всегда была тихой, или, как это говорят, «неконфликтной» девочкой, но у любого терпения есть предел. В один прекрасный осенний день я решила поговорить с заводилой класса. Просто поговорить, да… Невероятно наивно и глупо.

***

Смена давно закончилась, и большая часть учеников уже отправилась по домам. Но не все.

На заднем дворе школы собралась целая толпа парней и девушек, старшеклассников, возжелавших увидеть необычное шоу. Такие представления, конечно, устраивают не в первый раз, только раньше число зрителей было несоизмеримо меньшим. Причина проста – сегодня на вытоптанной десятками ног арене в качестве приглашённой звезды выступает всем известная фотомодель с лисьими ушками и пушистым хвостом.

Алиса лежит в центре образованного людьми круга, она плачет, пытаясь прикрыть живот и голову руками, а два плечистых крупных парня методично избивают её, пиная тяжёлыми сапогами. Они изредка прерываются, отходят в сторону, уступая место высокой девушке, непрерывно облизывающей ярко накрашенные губы.

Толпа вокруг молчит, словно погружённая в транс. Когда кто-то пытается достать телефон,

остальные испуганно шикают на него. Попади такая запись в интернет – проблем не оберешься, а так, вживую, вполне можно поглазеть, всё равно ведь никто посторонний не узнает. Да даже если и узнают – никаких доказательств не найдут.

Веселье продолжается уже минут десять. Парни начинают уставать, им скучно пинать жертву, которая даже не пытается умолять о пощаде.

– Слышь, Галка, эт девка какая-т странная. Тока молчит и стонет, мож она немая?

– Щас же, – девушка смеётся, наматывая рыжие волосы на кулак, – мы же никуда не спешим, да? Ты, сучка, думала, что вся такая крутая, богатая, знаменитая? Да ты просто дешёвая шлюха!

Она со всего размаху впечатывает голову Алисы в асфальт. Поднимает, наблюдая, как затягивается разбитый лоб. Через пару секунд от раны остаётся только бурое пятно засохшей крови.

– Давай, скажи: «Я – шлюха». Скажи, тогда мои мальчики станут чуть-чуть помягче. Если я их попрошу, конечно. Давай же, или я достану нож и поиграю с тобой по-взрослому.

Лиса вздрагивает, но продолжает молчать. Разочарованно сплюнув, Галина бросает девушку обратно на асфальт. Она уже не замечает, как боль в сапфировых глазах уступает место разгорающейся ненависти. Не видит, как подрагивают кончики пальцев, вытягиваясь в подобие звериных когтей, и удлиняются клыки. Слишком незначительны эти изменения, чтобы возбуждённый адреналином мозг обратил на них внимание.

– Продолжайте, мальчики. Не бойтесь, видите – на ней ни царапины не останется. Просто идеальная груша. ТАК ВЕДЬ, НАРОД? ВАМ НРАВИТСЯ?

Зрители не спешат отвечать. Некоторые из задних рядов разворачиваются, собираясь уходить, они уже насытились зрелищем, и возможное продолжение в виде нарезания жертвы на кусочки их сильно пугает.

– Вот ведь придурки, нахрена вообще пришли, если не вставляет… Чего встали, сказала же – продолжайте!

***

Не знаю, чем закончились бы эти игры. Вряд ли я смогла бы кого-то ранить, но вот изрядно напугать – вполне могла. В первую очередь, саму себя. Помню, как злоба заливала меня изнутри, сжигала, превращая в настоящего зверя. В тот первый раз я, конечно, не могла контролировать эту силу. К счастью, вмешался Миша. Настоящий принц на белом коне. Правда, в сказках принцы редко владеют приёмами уличного боя. И на побитых жизнью бродяг совсем не похожи.

***

По рядам зрителей прокатывается волна, они расступаются, как пассажиры в автобусе под напором тучного кондуктора, пропуская вперёд молодого парня в драной выцветшей куртке. Секунды ему хватает, чтобы оценить обстановку и без лишних слов направиться в центр круга.

Когда один из подручных Галины преграждает ему путь, парень бросается вперёд. Неуловимое взглядом движение, словно взятое из восточных боевиков, отправляет противника в нокаут.

– Ну и что здесь творится?

– С-слышь, те чё надо? – Девушка с большим трудом берёт себя в руки. В её голосе проскальзывают нотки страха. – Т-топай отсюда, не мешай нам веселиться.

– Веселиться? Не вижу здесь ничего смешного, – повернувшись к зрителям, он говорит тихим, спокойным голосом, лишь в конце срываясь на крик: – Я уже вызвал полицию. Уходите, пока они не приехали… ЖИВО!

Толпа, как единый организм, подаётся назад. Никто не осмеливается возразить, и минуту

спустя на школьном дворе остаются лишь главные действующие лица сегодняшнего шоу.

– А вы двое – стойте на месте, если не хотите лечь рядом со своим дружком.

– Ч-чёрт, ты серьёзно? – Галя сдавленно усмехается, подталкивая озадаченного помощника в спину. – Ванька, чё ты стоишь? Он же совсем дохляк, иди, наваляй ему. Или струсил?

Дохляк вряд ли смог бы с одного удара уложить накачанного парня, но Ваня не привык возражать старшей сестре. Да и в стоящем в расслабленной позе противнике он не чувствует угрозы.

Пригнувшись, он срывается с места, несётся вперёд, как бык на корриде, только для того, чтобы мгновение спустя повторить судьбу брата – получив кулаком в живот, упасть, со всей силы приложившись лицом об асфальт.

Галине уже не до смеха. Сама она драться не умеет, так что остаётся только позорное бегство, но…

– Стой на месте, – парень трясёт дрожащей от столкновения с накаченным прессом кистью. – Попробуешь сбежать – догоню, не сомневайся. Догоню и врежу. Я понятно объясняю?

– Д-да…

Кивнув, он подходит к Алисе, протягивая ей руку.

– Алиса, да? Ты в порядке?

– Мм… Кажется, да, – от ран, конечно, не осталось и следа. Боль тоже почти прошла, оставив на прощание только слабость и желание провалиться в долгий сон. Алиса хватается за протянутую руку, поднимается, вымученно улыбаясь. – Спасибо.

– Пожалуйста… Тебе бы в ванную… – Нежданный спаситель, закусив губу, осматривает покрытую кровью девушку. Ободранный рыжий хвост и прижатые к голове уши его нисколько не смущают. – Но ещё рано. Потерпи немного, надо дождаться приезда полицейских.

– Не надо…

– Как это «не надо»? Ты что, хочешь, чтобы это повторилось?

Сложно будет объяснить полиции, почему она, целая и невредимая, вся покрыта кровью, а рядом лежат два побитых парня. Но мысли в голове путаются, единственное, чего сейчас хочет Алиса – чтобы этот кошмарный день поскорее закончился. И если для этого надо всего лишь подождать…

– Конечно нет… Не хочу.

***

Скандал прогремел на весь мир. Кто-то всё-таки записал видео на мобильник, выложил его в сеть, так что с доказательствами проблем не возникло. Конечно, Галю не посадили, «спасибо» моей регенерации, но из школы троицу выперли уже через пару дней. А папа, когда узнал о случившемся, начал строить планы кровавой мести. Нам с дедушкой стоило больших усилий образумить его, ведь он, в отличие от Миши, драться совсем не умел.

Я с головой ушла в работу. Постаралась забыть обо всём, как о страшном сне. Странно, но роль невинной жертвы прибавила мне популярности, контракты сыпались, как из рога изобилия, только успевай подписывать. Я уже всерьёз подумывала бросить школу, посвятить всю оставшуюся жизнь модельному бизнесу, наплевав заодно и на университет. Правда, Миша был против, говорил, что высшее образование ещё никому не повредило.

Он вообще оказался странным парнем. Из приличной семьи, но всегда ходил в каком-то тряпье. Мягкий, заботливый со мной, с другими он держался подчёркнуто холодно, словно я была единственной, кто его интересовал. К тому же, я никак не могла понять, как он смог так быстро уложить двух накаченных парней?

В общем, этот клубок противоречий притягивал, и я сама не заметила, как начала влюбляться. А когда поняла – испугалась своих чувств. Начала избегать его, боялась, что Мишу,

как и многих других поклонников «лисички», интересовали только мои звериные части.

Он быстро разобрался в происходящем. Не стал спешить, решил медленно, шаг за шагом, завоёвывать моё доверие. «Случайные» встречи в школе, милые недорогие подарки на праздники – духи, браслеты, шоколадки – почти полгода прошло, прежде чем я сдалась. Папа очень удивился, когда вместе с немногочисленными оставшимися подружками на семнадцатый день рождения к нам в гости пришёл парень, который спасал меня от малолетних бандитов.

Там же, на дне рождения, мы впервые поцеловались. Я буквально в облаках витала от счастья, совсем потеряла голову, и, если бы не заглянувший в комнату дедушка, не знаю, насколько далеко мы бы зашли. А зайти очень хотелось, чем дальше, тем лучше… Даже после очень странного разговора с папой.

***

В украшенной цветными лентами и воздушными шариками квартире на десятом этаже элитного дома всё ещё витает атмосфера праздника. Проводив последних гостей, Алиса садится за стол, примеряясь к нетронутому куску огромного торта; мечтательную улыбку на её губах не в силах стереть даже мрачное выражение лица севшего рядом Дмитрия.

– М-м-м… Ням. Пап, ты чего такой кислый? Изжога замучила?

– Алис, можешь сделать кое-что?.. – Он даже не пытается улыбнуться. – То есть, наоборот, не делать… кое-чего.

Девушка недоуменно трясет головой.

– Чего не делать?

– Не спи с ним.

Она давится куском торта, кашляет, выпученными глазами уставившись на отца.

– Что-о??

– Не спи с этим… Мишей. Мне надо проверить кое-что.

– Кхм… Пап…

– Да, я понимаю, ты уже взрослая девочка, и сама можешь решать, – Дмитрий тяжело вздыхает. – Понимаю, насколько дико это звучит, но, пожалуйста, можешь подождать немного? Это очень важно.

Алиса вливает в себя стакан яблочного сока, хмурится, собираясь разразиться обиженной речью в духе «да не собираюсь я!», но быстро понимает, что это будет враньём, и молчит, сморщившись, словно проглотила свежий лимон. А Дмитрий с болью в голосе продолжает уговоры:

– Ты прости, что я не могу объяснить… Может я не прав, и зря переживаю, но… подожди хоть немного. Месяц-другой, этого хватит, а потом делай что хочешь. Пожалуйста!

***

В последний раз я видела папу в таком состоянии сразу после драки, когда заявилась домой в порванной, покрытой кровью одежде. Я не понимала, что происходит, он не спешил объяснять, так что в моей голове смешалась куча диких теорий, одна бредовее другой. На словах-то я дала обещание, но понимала, что долго его держать не собираюсь. Как ни крути, в таком возрасте очень сложно идти наперекор своим желаниям, особенно, если не понимаешь, зачем это делать.

Мише я наплела какую-то чушь, сказала, что стесняюсь, что строгий дедушка даже к поцелуям до свадьбы относится как к смертному греху. Он сделал вид, что поверил, и не стал настаивать. Решил, как и раньше, действовать медленно, но верно.

***

~~Прошёл месяц. Март потихоньку растапливал снег, на деревьях пели птички, моё сердце сладко ныло в предвкушении~~ Влад говорит, это звучит слишком «ванильно». ~~Не знаю, о чём он~~

Ну да, точно. Просто не хочу вспоминать о том, что случилось дальше. Но, раз уж решила писать, нельзя пропускать важные моменты, так ведь?

Пришла весна. За целый месяц от папы так и не поступило новых инструкций, и запас моего терпения подходил к концу. Поцелуев и обнимашек в укромных уголках школы мне уже отчаянно не хватало. Хотелось большего… Да и сам Миша стал каким-то нервным, часто уходил в себя, и лицо его в такие моменты становилось мрачнее тучи. Я наивно думала, что это из-за меня, и распалялась всё больше.

Струна терпения лопнула восьмого Марта. Данное папе обещание я честно выполнила, так что тянуть дальше не собиралась, и пригласила Мишу «отпраздновать» женский день к себе домой. Он, конечно, сразу согласился.

Если бы я только знала, как «удачно» выбрала день…

***

Полдень. Тёплые солнечные лучи освещают просторную спальню, играют на разметавшихся по кровати длинных рыжих прядях. Ветерок из распахнутого настежь окна приятно холодит разгорячённую кожу. В колонках приглушённо звучит, вторя биению сердца, поставленная на повтор мелодия любимой рок-группы.

Алиса лежит на кровати, стиснув пальцами покрывало. Она тяжело дышит, возвращаясь к реальности от захлестнувшей сознание горячей волны. В ярко-синих глазах, обращённых на сидящего рядом Мишу, гаснут отблески далёких огней.

– Знаешь, у тебя глаза пожелтели. И клыки подросли. Правда, ненадолго.

– *Это… нормально… наверное…*

– Наверное? – он улыбается, проводит кончиками пальцев по бедру девушки, и та отзывается протяжным стоном. – Хочешь, продолжим? Будет немножко больно.

– *Да-а…*

***

Еле выгнала Влада из комнаты. Он очень хотел посмотреть, как я мучаюсь, описывая свой первый раз… Вот же настырный. ~~А может просто хочет сравнить~~

Мы успели начать, но не успели закончить, спасибо папе. Как он вернулся домой, ни я, ни Миша не услышали, входная дверь у нас была на кодовом замке, открывалась беззвучно. Плюс, музыка и мои стоны… Я, мягко говоря, удивилась, когда папа ворвался в спальню и с ходу зарядил Мише кулаком в лицо.

***

Дмитрий, не дожидаясь, пока слетевший на пол парень придёт в себя, наносит ещё один удар. Ещё раз, и ещё, пока завопившая во всю глотку Алиса, бросив попытки прикрыться подушкой, не повисает на нём, изо всех сил вцепившись в окровавленную руку.

– Папа, что ты делаешь, хватит! Прекрати, не бей его! Миша ничего плохого мне не сделал, я же люблю его! Пожалуйста!

– Ничего плохого не сделал??

Он рывком достаёт из кармана пиджака пачку фотографий, суёт их под нос дочери, тыча пальцем в незнакомого ей пожилого мужчину, который сидит в кафе за одним столиком с Мишей.

– Смотри!

– На что смотреть? Кто это? Я не понимаю…

Заплаканное лицо и умоляющий голос делают своё дело, ярость в глазах Дмитрия постепенно уступает место глубокому океану боли. Он судорожно выдыхает, пиная ножку кровати.

– Сядь. Прости, что напугал…

Сдёрнув покрывало, Алиса заворачивается в него и садится. Она очень хочет подойти к Мише, проверить, что с ним, только понимает – отец не даст ей этого сделать. Остаётся глотать солёные слёзы и ждать. Надеяться, что всегда добрый, ласковый папа не сошёл с ума.

– Прошлым летом ко мне в офис пришёл представитель одной фирмы… – Он присаживается рядом, раскладывая фотографии на коленях. – Очень известной фирмы, они занимаются генетическими экспериментами. Их очень заинтересовали твои способности, ты ведь никогда не болела, и раны у тебя заживают очень быстро.

– Но… меня же исследовали, много раз.

– Да, и ничего не добились. Он что-то говорил про нестабильность ДНК… Не важно, я понял только одно – они решили пойти другим путем. Решили разбавить твои гены человеческими.

Алиса явно ничего не понимает. Выдержав паузу, мужчина пристально смотрит ей в глаза.

– Алис, они предложили мне соблазнить тебя.

– Ч-что?..

– Соблазнить и заделать тебе ребёнка. Потом этого ребёнка они хотели забрать себе, и исследовать его по полной. Обещали, что после этого отстанут от нас.

Невозможно поверить в такое сразу. Алиса молчит, хлопая ресницами, мысли в её голове путаются, цепляются друг за друга, не в силах сложиться в правильный порядок. А на полу постепенно приходит в себя избитый Михаил.

– Конечно, я послал их к чёрту. Тот человек не стал настаивать, и больше не приходил. А потом была драка, и появился этот… Миша. Я сразу заподозрил неладное, только доказательств не было, не мог же я его пытать? Тогда я нанял детектива, и попросил тебя подождать. Весь этот месяц он следил за твоим парнем. Понимаешь?

– Я… Н-нет…

– Алис, этот мужик на фото – тот самый представитель. Они встречались каждую неделю, в одном и том же месте. Понимаешь теперь? Любовь здесь ни при чём, он встречался с тобой только для того, чтобы затащить тебя в постель. Чтобы ты забеременела.

Слова медленно, но неотвратимо проникают в её разум. Алиса мотает головой, губы дрожат в беззвучном смехе.

– Нет… Это… Это не правда. Этого не может быть. Т-ты шутишь, да?..

– Помнишь ту троицу, которая над тобой издевалась? Да, их выгнали из школы, но вот потом… Они вдруг получили наследство от несуществующего дедушки. По миллиону на каждого. Надо же, какая удача!

– Нет… Не-ет…

– Алиса! – Он берёт её за плечи, встряхивая, как котёнка. – Всё это было подстроено! Драка, ваша встреча, любовь, всё это – обман!

– Нет… – Лиса сбрасывает с себя его руки. Всё тело бьёт крупная дрожь, хвост бешено дёргается из стороны в сторону. В поисках спасения она смотрит на поднявшего голову парня. – Миш, скажи… Скажи, что это неправда, пожалуйста!

Его серые глаза, всегда такие тёплые, нежные, совершенно пусты. Парень молчит, и с каждой секундой ужас на Алисином лице проявляется всё больше.

– Миша…

– Давай, сопляк, скажи ей! Если не хочешь ещё раз получить по морде!

Конечно, не хочет. Сплюнув скопившуюся кровь, Миша открывает рот. Вместо обычного уверенного голоса оттуда доносится смесь безумного веселья и какой-то совсем детской наивности.

– У меня… болеет сестра. Они обещали помочь… Обычные врачи ничего не могут сделать,

а они… они смогут, я знаю… Я ведь всего лишь хотел её спасти… это же так просто.

– Просто?.. Что? Что просто? – Алиса, кое-как поднявшись с кровати, подходит к нему вплотную, смотрит сверху вниз, до боли сжимая кулаки. Упавшее к ногам покрывало её уже не волнует.

– Мне… всего-то надо было трахать тебя, пока не залетишь… Что в этом такого? Ты же ещё потом кучу детей нарожаешь… А я сестру хочу спасти, пон…

С диким воплем Алиса бьёт его по лицу. Бьёт ещё и ещё; кровь и слёзы сияющими каплями разлетаются по комнате, пока Дмитрий не останавливает её, обнимает сзади, с трудом удерживая хрупкую, как ему всегда казалось, девушку.

– Хватит. Хватит, дочь, он того не стоит. Успокойся.

Она пытается вырваться, но Дмитрий держит крепко. Постепенно напряжённые мышцы расслабляются, злость уходит, оставляя в сердце лишь голодную пустоту. Алиса всхлипывает раз, другой, разворачивается и, зарывшись лицом в мужскую грудь, замирает, ловя пушистым ухом тёплое папино дыхание.

– Бедная моя лисичка… – Он устало вздыхает, поглаживая длинные рыжие волосы. - Ничего, мы ещё повоюем. Сейчас иди в душ, а как вымоешься – начинай собирать вещи. Мы уезжаем.

Алиса, чуть отстранившись, поднимает заплаканные глаза.

– Куда?..

– Подальше отсюда. Туда, где они нас не найдут.

– А… полиция?

– Компания сотрудничает с военными. С правительством. У них какие-то проекты по оздоровлению нации… Миллиарды долларов прибыли. Никто нам не поможет, по крайней мере в России. И у нас нет никаких доказательств против них.

Алиса молчит. Не может поверить, что такая многообещающая жизнь рухнула в один момент. Сбежать? Что они будут делать одни, в чужой стране? И разве компания, такая могущественная, не сможет их найти?

– Алис, – Догадавшись, о чём она думает, Дмитрий ласково проводит подушечками пальцев по щеке девушки, стирая скользящую вниз слезинку. – Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось, понимаешь? Я очень долго готовился к этому, собирал документы, обзаводился связями. Ты – моя любимая дочь, и я ни за что не позволю превратить тебя в племенную корову. Ты мне веришь?

Тёплые слова заполняют воцарившуюся в сердце пустоту. На краю сознания чей-то новый, незнакомый ей взрослый голос словно спрашивает «ну сколько можно плакать?», и девушка, взяв себя в руки, уверенно кивает.

– Да.

– Умница. Давай, мыться и собираться. Надо ещё успеть снять деньги с карточек, они нам пригодятся. Родителей я предупредил, а твоя карьера… на модельном бизнесе свет клином не сошёлся, придумаем что-нибудь уже там, на месте.

Дмитрий отступает на шаг. Теперь ему открывается замечательный вид, и Алиса, заметив, как неосознанно гуляет вверх-вниз его взгляд, наконец вспоминает, что стоит в чём мать родила. Дёргает хвост, другой рукой закрывая грудь, и тут же густо краснеет.

– Кхм… – Ухмылка на губах мужчины гаснет, когда он замечает тихий стон приходящего в себя Миши. – Я поищу верёвку, надо связать этого подонка. Чем позже они узнают, тем лучше.

Чуть потоптавшись на месте, он разворачивается и быстрым шагом уходит, оставив дочь наедине с тем, кого она всего полчаса назад считала самым дорогим человеком на свете.

– Значит… Ты хотел спасти сестру?.. – Алиса смотрит на сжавшегося в комок парня. Её

сердце вдруг сжимается от сильного желания подойти к нему, обнять, забыть обо всём. Сделать вид, что ничего не случилось, и жить дальше, душа в душу. Как нормальные, любящие друг друга люди. – *Знаешь, ты ведь мог просто попросить у меня денег… В мире так много врачей, они бы спасли её… Хотя… компания просто послала бы кого-то ещё, да?*

Конечно, он не отвечает. Уже на пороге спальни, сжимая в руках охапку чистой одежды, Алиса разворачивается, бросая последний, переполненный печалью взгляд.

– Миш… Даже если ты меня не слышишь… Спасибо тебе за всё. И… прощай.

*****

Требовательно зазвонил брошенный на пол телефон. Чертыхнувшись, *он* поднял аппарат, провёл пальцем по экрану и выругался ещё раз. Короткое сообщение гласило: «Где вы? Не попадитесь местным, подкрепление уже в пути».

С трудом поднявшись, *он* потянулся, хрустя суставами. Объяснять сотрудникам особого отдела полиции, что в предполагаемом логове преступников делает человек без документов с пистолетом спец. серии в кармане пиджака, ему совершенно не хотелось.

С дневником в руке *он* вышел в коридор, погасив за собой свет. Конечно, на полу остались отпечатки запачканных кровью ботинок, но никакого значения это не имело – ботинки были самыми обычными, какие носят миллионы людей.

У входной двери, уже собираясь шагнуть за порог, *он* заметил блеск, и, медленно повернувшись, уставился в разбитое зеркало. Паутина трещин от угодившей в него пули не помешала разглядеть заросшее щетиной лицо, на котором горели жёлтым светом узкие глаза, очерченные старыми шрамами – единственным осколком прошлого, от которого *он* не захотел избавляться.

– Знаешь, Алиса… Спасибо *тебе*. Даже если ты меня не слышишь, обещаю: рано или поздно мы встретимся снова. И на этот раз… ты не сбежишь.

Он завернул дневник в найденный на кухне пакет и вышел из квартиры, всего на пять минут опередив прибывший на место преступления полицейский наряд.

Частица тепла(*)

Воскресенье, утро.

Десять утра, а Марк ещё не вернулся. Работает в выходной? Как же! Опять достаёт деньги непонятно где. Вариантов тут немного, один хуже другого: может, ворует, а может, торгует какой-нибудь дрянью… А, плевать, главное – в холодильнике есть еда, а на столике в спальне – мелочь на карманные расходы. Чего ещё надо для счастья пятнадцатилетней девчонке?

Я покрутила вентили, другой рукой протирая запотевшее зеркало. Чуда не случилось – оттуда смотрела всё та же бледная физиономия с тусклыми серыми глазами, тонкими губами и чёрными, как смоль, волосами, закрывающими шрам на лбу. Чёрт знает, откуда он взялся, красная линия, будто проведённая маркером, всегда была со мной, и никакая косметика не может её скрыть. Как и причёска – сколько ни отращивай чёлку – всё равно заметят и будут изображать сочувствие, или, наоборот, тыкать пальцами и обзывать «Гарри Поттером в юбке». Ненавижу!

– Спокойно…

Я глубоко вдохнула и выдохнула, отводя от зеркала сжатую в кулак руку. Пять диодных ламп на потолке светили ярко, но тени, появившиеся на лице отражения, не спешили исчезать. Они лишь отступили, спрятались в уголках глаз и губ, тут же изогнувшихся в ядовитой ухмылке. Нормальный человек на моём месте решил бы, что не выспался, но я-то знаю правду. Тени настоящие, они – часть меня, часть, от которой я не избавлюсь никогда. Прямо как от этого проклятого шрама.

– Это ты виноват. Или… я сама? Я ведь такой родилась, да?

Другая Рита в зеркале улыбнулась ещё гаже, говорить она не умела, да и откуда моей больной фантазии знать ответ?

Что я точно знаю – Марк скоро вернётся. Надо успеть позавтракать, пока наставник не погнал меня на улицу. Сегодня суббота, так что он до вечера не отвяжется… Или пока я не грохнусь в обморок от усталости.

И, здравствуй, кухня! Обычная такая кухня двухкомнатной городской квартиры: допотопный холодильник, газовая плита, стол с цветочным узором на скатерти и стопки тарелок в раковине. Грязная посуда у нас копится, пока не останется ни единого чистого блюдца. Я слишком устаю после занятий, а Марк… Домашние обязанности выше его достоинства.

Дешёвый растворимый кофе с парой ложек сахара и бутерброды с маслом – вот и весь завтрак. На третий месяц такой жизни хочется волком выть, только выбора у меня нет – нормальная еда в животе надолго не задержится, спасибо тренировкам, выворачивающим желудок наизнанку. И пинкам наставника, когда он не в настроении после визита очередного идиота-клиента.

– Зачем вообще работать, если и так денег хватает?

Последний бутерброд в руке, конечно же, промолчал, и я, уныло вздохнув, отправила его в рот.

Ну и чем теперь заняться? В интернете ничего нового – убивают, грабят, насилуют… В контактах никаких новостей, даже Вика больше не пишет. Когда Марк пару месяцев назад увидел мои синяки, он быстро вытащил из меня её адрес и отправился «поговорить». С тех пор три весёлые подружки ко мне не лезут, делают вид, что я сквозь землю провалилась. Наверное, стоило его поблагодарить, только смысла в этом не больше, чем в пятом колесе у телеги. Всё равно не заметит.

– Как же всё достало…

Компьютерное кресло противно заскрипело, когда я вжалась в спинку, отъезжая от стола. Тренировки – та ещё гадость, но вот так просто сидеть и ждать…

Думаю, если бы кто-нибудь спросил меня, что я ненавижу больше всего на свете, я бы ответила, не задумываясь: жизнь. Свою дерьмовую, пустую жизнь. Когда умерла мама, отец запил и… нет, не хочу вспоминать. Марк нашёл меня и обещал помочь отомстить. Конечно, я согласилась, и даже сейчас ничуть не жалею.

– А стоило бы.

…Ч-чёрт! Так и удар может хватить!

– Марк, я же просила не читать мои мысли!

Как он вообще умудряется подкрадываться так незаметно? Стоит за спиной, в двух шагах от меня, но я ведь не слышала ничего! Ни единого звука открывающейся двери или шагов!

– Я вижу, тебе нечем заняться? Собирайся.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и вышел из комнаты. И даже не улыбнулся. Впрочем, как обычно. Я вообще не видела, чтобы наставник когда-нибудь улыбался. Высокий, с длинными тёмными волосами, он в своей косухе и кожаных брюках похож на рокера, только байка у него нет. На автобусе, что ли, ездит?

– Рита!

Да иду я, иду… Что б ты провалился!

***

На тренировках мы сидим на скамейке в парке и играем в гляделки. Звучит безобидно, только в последнее время эти посиделки заканчиваются чёрными пятнами в глазах и свиданием с ближайшей урной. А ещё это странное чувство… словно я вампир и хочу сожрать всех вокруг, высосать из них жизнь, такую тёплую, приятную на вкус…

– Рита, хватит в облаках витать.

Я помотала головой, приходя в себя. Вместо парка с зелёной травкой и ярким солнышком нас окружали обшарпанные стены многоэтажек. Где-то вдали шумел город, здесь же лениво колыхались на ветру развешанные на балконах штаны и халаты. И никого живого, только я и Марк, скрестивший руки на груди. Будь он маньяком – я бы, наверное, испугалась, а так…

– Как мы сюда попали?

– Следующий вопрос.

Нет, улыбаться он всё-таки умеет. Но так мерзко, что хочется врезать по его наглой морде.

– Что мы тут делаем?

– Ты уже готова к следующему этапу. Смотри.

Марк шагнул в сторону, и я увидела лежащую на земле полосатую кошку. Она почему-то не убегала от меня, как все нормальные звери, только жалобно мяукала, сверкая глазами-фонариками.

– Это?..

– Убей её.

Я вздрогнула. У него что, крыша поехала?

– Зачем?!

– Слушай внимательно. Ты уже можешь направлять свой дар. Забери её жизнь. Вытяни руку, ощути сияние души и притяни его к себе.

Говорит, как робот, никаких эмоций в голосе. И такой бред несёт – слушать невозможно.

– Не собираюсь я никого убивать, тебе надо – ты и…

Что случилось дальше, я поняла не сразу. Только живот взорвался болью, и, очнувшись, я увидела перед собой лицо наставника. Правой рукой он схватил меня за волосы, а левой взял за

подбородок, не давая отвернуться.

– Рита… Мы же договорились, помнишь? Ты во всём слушаешься меня, а взамен получаешь деньги и жильё. Тебе что-то не нравится? – Он снова улыбнулся, меня аж передёрнуло. – Может, ты хочешь вернуться к отцу? Он так давно не видел свою дорогую доченьку.

Ужасы последних лет вихрем пронеслись перед глазами, и я отчаянно замотала головой. Марк выпустил меня, повернулся к кошке и сплюнул.

– Убей её. Не сможешь сегодня – придём сюда завтра. И послезавтра, пока не получится.

На негнущихся ногах я подошла к полосатому зверьку. Вблизи стали видны подтёки крови на лапах, и я наконец поняла, почему она на убегает. Животные меня терпеть не могут, а когда начались занятия с Марком – и вовсе стали за километр обходить. Каким же гадом надо быть, чтобы сотворить такое!

– Я…

– Рита. Мне повторить? Выбирай, или ты делаешь то, что я хочу, или мне придётся тебя заставить.

Я очень редко слышу нотки угрозы в его голосе. Первая и последняя попытка проигнорировать их чуть не закончилась больницей, и повторять тот печальный опыт я не собираюсь. Но…

– Зачем?

– Затем, что ты должна научиться управлять даром, – а сейчас он говорил таким разочарованным тоном, будто я идиотка, не понимающая прописных истин. – Не мои проблемы, что тебе досталась сторона Смерти.

Смерти?..

– Все вопросы потом! Если ты ещё не поняла – эта тварь всё равно сдохнет, завтра на её месте будет другая.

Сам ты тварь! Сам сдохни! Ч-чёрт, если бы я только могла сказать это вслух… Одними синяками точно не отделаюсь. Подожди…

– Другая?

– Рита, ты вдруг резко поглупела? Что тут непонятного? Хватит испытывать моё терпение, я уже сказал, что ты должна сделать, убей её!

Кошка перестала мяукать, закрыла глаза, и только хвост дёргался из стороны в сторону, показывая, что его хозяйка ещё не отправилась в рай. А во мне боролись отвращение и страх.

Страх, кажется, побеждал. Я ведь всё равно сделаю так, как он скажет… Рано или поздно. Без Марка мне дорога только в детский дом, или обратно к отцу. Ни за что не вернусь к нему. А чего стоит жизнь какой-то бездомной кошки?

– Да. Все вы, люди, одинаковые, все трясётесь за свои жалкие жизни. Смирись с этим, девочка.

Я оглянулась. Марк, впервые на моей памяти, ласково улыбался.

– Давай, вытяни руку, закрой глаза и ощути сияние её души. Дальше сама разберёшься.

Как же паршиво! Отец когда-то «угостил» меня водкой, но похмельная боль и рядом не стояла с тем, что я испытывала, когда склонилась над замершей кошкой. Где-то на краю сознания билась мысль, что всё это – глупая шутка, что ничего у меня не получится, а кошка встанет и убежит.

Получилось. Мир погрузился в темноту, в которой сияли два ярких огня. Один горел у меня в груди, второй растекался по телу кошки золотистыми нитями, как бегущая по венам кровь. Совсем не понимая, что делаю, я вдруг захотела схватить эти нити, прижать к себе и не отпускать. В моей жизни было так мало тепла, после ухода мамы родных людей у меня не осталось, а пламя чужой души манило к себе, обещая покой и сочувствие. Не могу

сопротивляться. Да и зачем?..

***

– Умница.

А? Я не ослышалась, Марк меня похвалил?

– Продолжим завтра. Дорогу до дома сама найдёшь.

Удаляющиеся шаги вывели меня из полусна. Я сидела в пыли, рядом лежала кошка, глядя на меня остекленевшими глазами.

– Завтра?.. Стой! ТЫ ЖЕ ОБЕЩАЛ!!!

Я отпрянула от неподвижного тела, борясь с приступами тошноты. Тепло исчезло, и я скорчилась на земле, задыхаясь от пронзившей сердце иглы. Что я натворила??

– Обещал? – Марк расхохотался. – Задание на сегодня ты выполнила, отдыхай, пока можешь! И чем ты недовольна, хотела же отомстить отцу?

Он хочет сказать… что заставит меня убивать людей? Ублюдок… Как же я тебя ненавижу! Ты ничем не лучше него!

– Скажешь это мне в лицо, девочка?

Опять читает мысли… да пошёл ты! Ты и весь этот паршивый мир! Да я лучше…

Рывок вверх, и я повисла в воздухе. Марк, подняв меня за шкирку, прошипел в лицо:

– Рита, пока я добрый, но учти: если ты ещё хоть раз подумаешь о самоубийстве, я разозлюсь. Очень, очень сильно разозлюсь. Свяжу тебе руки-ноги, и будешь сидеть дома, пока я работаю. Ты поняла меня?

Я сглотнула горькую слюну. Обычно бесцветные глаза мужчины горели красным огнём. Чудовищное зрелище, и, в то же время, завораживающее. Я замерла, как кролик, повстречавший удава, и этого хватило – наставник успокоился и переспросил своим нормальным ровным голосом.

– Ты поняла?

– Да...

Не сказав больше ни слова, он поставил меня на землю, и ушёл, не оглядываясь. И хорошо, что ушёл быстро, не успел увидеть, как я начинаю всхлипывать. В голове словно пылесос поработал, все мысли испарились, и я так и стояла в глухом переулке, глотая слёзы.

Надо хотя бы похоронить кошку. Только как? Руками копать землю?..

– Ай. Что?..

Я поднесла руку к глазам и еле сдержалась от крика. На ладони лежал маленький блестящий шарик, внутри которого билось живое пламя. Я потрясла рукой в воздухе, но он как будто прилип к ней и не собирался падать.

Ну конечно. Это «душа», которую я забрала, да? Значит, надо просто вернуть её обратно. Марк не умеет читать воспоминания, он ни о чём не узнает!

В сердце зажглась безумная надежда. Я бросилась к кошке, подумала секунду и просто положила ладонь с шариком на её холодный бок. Тот вздрогнул, пушистое тельце озарилось мягким светом, и минуту спустя я держала на руках здоровую, без единой царапины, кошку. На полосатую шерсть капали крупные слёзы.

– Так… тепло. Прости меня, пожалуйста. Прости… Я не хотела.

Наверное, впервые после смерти мамы я плачу от счастья. Впервые в жизни обнимаю маленького живого зверька. Они ведь так не любят меня. Не любят…

Урчание постепенно стихало. Сердце кольнуло, я опустила глаза, встретившись глазами с кошкой. Та вытянула лапу, коснувшись моей щеки, и я вдруг отчетливо увидела, как рвутся светящиеся нити, раздирая её душу на части.

– Н-нет, подожди. Я же всё исправила! Ты не можешь сейчас умереть! Не можешь!

Раньше я думала, что кошки не умеют улыбаться. А она улыбнулась на прощание, и с последней лопнувшей нитью умерла второй раз.

У меня внутри что-то оборвалось. Ледяной холод прокатился по телу, оставив после себя лишь пустоту. Не знаю, как, но я поняла: между тем, что я сделала, и настоящим воскрешением лежит чудовищно широкая пропасть. Но, когда я смогу перешагнуть её, больше не останется невозможных вещей. Я верну всех – и маму, и эту вот кошку. Всех, кого успела полюбить!

А значит, нужен опыт, нужны тренировки и очень много потерянных жизней. Именно то, чего хочет Марк.

То, чего с этого момента хочу я сама.

Я с силой прижала кошку к груди. Плевать на слёзы. Плевать на людей, выглядывающих с балконов. Ненавижу их всех!

– *Хочешь, чтобы я забирала жизни, да?.. Хочешь сделать из меня убийцу?.. Хорошо… Я стану убийцей, а потом…*

Откуда-то из глубин сознания рвался дикий, сумасшедший смех. Я подняла глаза к небу и прошептала, сжимая кулаки:

– *Я убью тебя, Марк. Чего бы мне это ни стоило.*

***

Девушка не заметила стоявший в тени здания силуэт. Марк проводил ученицу долгим взглядом, встряхнулся, отгоняя странное, незнакомое ему чувство и задумчиво пробормотал:

– Убьёшь, значит? Что ж, *принцесса*, попробуй… если хватит смелости.

Другая сторона

///примечание: первый мой рассказ, написан осенью 2016 года. Выкладываю с минимальной корректурой, как этакий музейный экспонат.

Тускло освещенная комната. Повсюду раскиданы книги, и странного вида приборы. На полу сидит девушка, увлеченно читая книгу, рядом с ней – молодой парень в потрепанной одежде.

– … Ты меня слушаешь вообще?

– А?.. Да, слушаю, конечно

– Ну да. Мириам приезжает завтра. Ты ведь всё подготовила?

Девушка откинула волосы с лица и устало вздохнула.

– Почему вообще я должна этим заниматься? Наши старики совсем обленились, не хотят поднять свои тощие задницы с мягких кресел.

– Эй, полегче! Эти, как ты их назвала, “старики” снабжают нас деньгами и материалами, а вот результата что-то не видно. И вот мне интересно, кто за этот… результат отвечать должен? У меня хватает проблем с первогодками, Энджи занята с магистрами, остаешься только ты?

– У-у…Ладно, до завтра я всё успею.

– …Стоп, ты что, даже не начинала?

– Вон там, на столе, первые результаты. К утру будут финальные, надо еще кое-что проверить.

Парень подошел к столу, и, покопавшись в бумагах, выудил толстую папку ярко-красного цвета.

– Это…так, и это тоже… Лиз, что это такое??

– Мм? Ты же хотел результаты. Ты их в руках держишь.

– Результаты? Серьезно? Мириам должна была получить липу, мы же все прекрасно знаем, что не сможем закончить портал вовремя? Тьфу, вернее, его вообще невозможно закончить! А ты пишешь, что осталось проверить проводящие контуры, и можно отправляться гулять в другой мир?? Так…кто еще это видел?

– Сейчас – только ты. А что не так? Это же здорово, все думали, что порталы – старая сказка, а мы его взяли и сделали. Чем ты недоволен?

Парень смотрел на нее очень странным взглядом. После пяти минут неестественной тишины она оторвалась от книги и исподлобья взглянула на него.

– Рин, с тобой всё нормально? Ты какой-то бледный, что, так шокирован моей гениальностью?

Он подошел к ней и грубо потянул за руку.

– Идем.

– Э-эй, куда идем?

– Покажешь портал в деле.

– Я же сказала, что контуры еще не готовы! Запускать его без тестов – самоубийство, если что-то пойдет не так – потеряем время и Мириам меня с потрохами съест!

– Ты же всё равно *отдыхаешь*, и спать не собираешься. Идем, мне надо убедиться самому… что это не старые сказки.

***

Позже, в зале лаборатории.

– Инструменты захватил?

– Всё здесь. Начинаем?

– Быстрый какой… Посвети мне.

На ладони парня появился яркий шар и слетев с руки, завис возле накрытой темным куполом щита конструкции.

– Так, нажать здесь… ввести код… Упс, не тот код. Сейчас… готово!

В темном помещении лаборатории вспыхнули огни. Поверхность щита задрожала и разделилась на мерцающие секции, исчезающие одна за другой.

– …Так вот ты какой, портал в иные миры, – прошептал парень и добавил еле слышно: «*Ну почему всё так обернулось… лучше бы ты бросила профессора, когда от него все отвернулись...*»

– Чего ты там бормочешь? Раз взялся помогать – доставай инструменты и встань вот тут. Будешь подавать их и следить за датчиками.

Девушка махнула рукой, указав на место справа от неё, покопалась в консоли перед высокой аркой портала, и из пола перед ней выплыли металлические цилиндры – контуры.

– Вот эти датчики должны все показывать сто, понял? Я ковыряюсь в контурах – ты следишь за показаниями. Если видишь, что там не сто – значит где-то утечка, просто направь ток энергии в контур, и он сам найдет нужное место и заполнит его.

– Ясно. Сколько времени это займет?

Девушка смерила консоль долгим взглядом.

– Часа два… если не случится ничего экстраординарного.

***

Три часа спустя.

– Уфф… Лиз, я бы тебя убил, если бы не устал, как собака. Какого черта ты не предупредила, что эта штука жрет силу, как пылесос?

– Пфф, это же ты рвался посмотреть, как он работает. Ну вот, теперь гордись собой – ты внес неоценимый вклад в дело науки!

– Его уже можно включать? До рассвета пять часов, может запустим, проверим, и пойдем в мягкие кроватки?

– И не надейся, если включим – сюда сбежится вся академия. Честь первого запуска я оставлю профессору и госпоже Мириам. А если боишься, что мы напортачили – смотри.

Девушка показала рукой на консоль управления. В центре, рядом с кнопкой подтверждения запуска, мигала россыпь зеленых огоньков.

– Это контрольные точки, они все в порядке, так что беспокоиться не о чем.

– Ну, может всё-таки проверим? У меня остались еще силы на покров тишины. Завтра тут будет толпа народа, и… ты ведь сама хочешь посмотреть, что там, по ту сторону портала?

– Ты предлагаешь не просто включить его, а еще и пройти под аркой? Сейчас, без страховки? – Она удивленно уставилась на парня.

– Я тебя подстрахую, только объясни, что надо делать. Или ты мне не доверяешь? – Парень хитро улыбнулся.

Наступила тишина. Девушка смотрела на мигающие огни консоли и кусала губы, глубоко задумавшись. Потом решилась и махнула рукой.

– Хорошо, уговорил. Но у нас нет лишней энергии, так что портал будет нестабильным. А войдешь в него ты! Для безопасности, так сказать.

– Б-безопасности? И в каком смысле портал будет нестабильным?

– Ну, по идее, человек, вошедший туда, сохраняет связь с нашей реальностью, и это даст большую нагрузку на силовую установку. Мы с профессором не успели решить эту проблему… Мда, завтра это будет не важно, потому что к порталу подключат центральный генератор

академии, но прямо сейчас он питается только от лабораторной сети.

– …

– Так вот, если энергия кончится, пока ты будешь внутри – ты понимаешь, да? Смерть, и всё такое…

– И поэтому ты отправляешь меня?

– Именно, тебя ведь не жалко, – она рассмеялась.

Парень какое-то время переводил взгляд с нее на портал и обратно.

– Ладно, согласен. Даже если об этом никто не узнает, я всё равно буду первым путешественником во времени и пространстве.

– Мм, как быстро согласился. Учти – плакать на похоронах не буду.

– Жестокая ты… – Парень вздохнул и сжал кулаки.

– Итак, что мне делать? Просто нажать кнопку и войти в него?

– Если так сделать, мне точно придется объяснять, куда делся твой хладный труп. Я нажимаю кнопку – портал активируется. Положишь руку вот сюда, – она указала на углубление в верхней части правого цилиндра-контура. – Предупреждаю, будет больно. Портал должен настроиться на твою волну. Как только боль утихнет и загорится индикатор на арке – у тебя будет… примерно двадцать минут, чтобы войти туда и вернуться, больше генератор не выдержит.

Парень кивнул и подошел к контуру.

– Готов?

– Да, – он кивнул и занес руку над тускло блестящим цилиндром.

– Ну… вперед. Ай, черт, чуть не забыла, наложи Тишину, на всю лабораторию плюс пять метров вокруг нее. Там у стен охладители, они будут шуметь, сильно.

Парень сосредоточился и повел рукой сверху вниз. От его тела отделилась серая пелена и, разрастаясь, охватила всю комнату. Девушка поёжилась:

– Это же Гаситель, а не Тишина. Ладно, так даже лучше.

– Угу, ты не подумала, что, кроме звуков, снаружи можно ощутить и колебания энергии от портала.

– Точно… кажется, больше ничего не забыли, – она кивнула сама себе и, подойдя к консоли управления, коснулась большой кнопки с надписью «не нажимать!».

– Профессор, простите меня, – она грустно улыбнулась и, зажмурившись, опустила палец.

Лаборатория загудела, взлетели вверх показания датчиков на консоли, в воздухе сильно запахло озоном. Арка портала вспыхнула синим светом и погасла, оставив небольшой шарик энергии в центре. Прошла минута, две – больше ничего не происходило.

– Лиз? Это нормально? Я не чувствую никакой боли в руке, – спросил, почему-то с облегчением в голосе, парень.

Она рассеяно пробежала глазами по консоли и датчикам контуров.

– Да, вполне… Расчетное время реакции – до получаса, просто подождем немного. В этом режиме портал почти не потребляет энергию.

– Мне полчаса стоять тут, с рукой на контуре? Гаситель столько не протянет!

– Я же не просила его использовать? О, смотри, начинается.

Сгусток энергии в центре портала начал вращаться, растягиваясь в стороны. Вскоре вся арка была затянута пульсирующим синим светом.

– ***!

– Больно, да? Терпи, ты же хотел стать первооткрывателем, – она ухмыльнулась.

– …Да это хуже, чем удар от Мириам в тренировочном бою в прошлом году, – парень кривился и сжимал левой рукой правую, из-под которой текли на контур потоки энергии, чем-

то похожей на кровь.

***

Дрожь синего света в арке постепенно стихла, на консоли вспыхнули и погасли красные огоньки.

– Рука больше не болит.

– Оторвись от контура и иди к арке. Сейчас… – она постучала по счетчику энергии пальцем и проверила время.

– 3:20. Проверь свои часы, у тебя ровно двадцать минут, чтобы погулять там и вернуться назад.

Подойдя к порталу, парень подкрутил стрелки больших механических часов на руке и посмотрел вглубь портала.

– Интересный эффект искривления света. Кажется, я что-то вижу там, внутри.

– Кажется. Портал не соединяет две точки физического пространства напрямую, он как… длинный тоннель. Хотя, это только теория, и вот сейчас ты ее проверишь.

– Тоннель?

– Поэтому посмотри на часы, когда окажешься на той стороне, по расчетам профессора само перемещение должно занять две-три минуты, плюс столько же в обратную сторону. У тебя останется очень мало времени, так что возвращайся побыстрее.

– Понял, – парень кивнул и поднес руку к синему свету портала.

– Давай уже, вперед! Или струсил под конец? – Лиз хихикнула и, подойдя к парню, слегка толкнула его в спину.

Этого хватило, чтобы протянутая рука коснулась дымки портала. Тут же его поверхность вскипела, и парень с криком «Э-эй!» исчез внутри.

– И всё-таки... жалко, что не я первая. Но-о, его ведь в самом деле не жалко. Или… – Она, задумавшись, стояла перед потускневшим порталом и смотрела, как отмеряет минуты стрелка часов.

***

– Да где же ты? – Она нервно кусала губы, поглядывая на стремительно тающий счетчик энергии лабораторного генератора. Часы показывали 3:32.

– Если он в самом деле не вернется, меня упекут в тюрьму за убийство… Но, ох черт, завтра же будут официальные испытания… если в портале исчезнет Мириам, я простой казнью не отделаюсь. И профессор живым не уйдет, *****, – Лиз еле слышно выругалась и обессилено опустила глаза к полу.

В этот момент поверхность портала пошла волнами, контуры погасли и вспыхнули в полную силу, осветив полутемную от дымки Гасителя комнату. Девушка вскрикнула и еле успела отпрыгнуть, как портал выплюнул из себя человеческое тело.

– Кха, тьфу, гадость, – парень отплевывался и счищал с себя налипшую на одежду и кожу синеватую жидкость.

– Знаешь, – наконец сказал он, взглянув на неё, – больше не хочу быть «первооткрывателем», никогда!

Лиз сидела на полу и молча смотрела на него. Наконец зажмурилась, глубоко вдохнула и выдохнула, и открыла глаза.

– И? Как там?

– Мокро, – он ухмыльнулся, показав на свою одежду.

– Это стабилизирующая жидкость, результат работы портала…

– О которой ты, конечно, забыла меня предупредить.

– Недостойная внимания мелочь, я о другом, – она поднялась и подала ему руку. – Что ты

видел по ту сторону?

– Видел реки, горы, травку, и животных. Таких, каких у нас не существует.

Он улыбнулся какой-то странной улыбкой и посмотрел Лиз в глаза.

– Взбодрись, у нас получилось. У тебя получилось. Профессор будет прыгать на месте от радости!

Она, оцепенев, смотрела на него, потом засмеялась и сама подпрыгнула.

– Да, да, да! Мы это сделали, десять лет исследований, и вот он – результат. Теперь Мириам точно возьмет меня в свою команду, – она кружилась по комнате, глупо улыбаясь и взмахивая руками.

– Возьмет в команду, да?.. А профессор?

– А? Он уже дал согласие, если демонстрация завтра пройдет успешно – я со всеми материалами перееду в столицу. Если, конечно, сама Мириам не будет против. Но она же не будет, после такого…

Лиз встала у портала, глядя на пробегавшие по его поверхности синие волны. На счётчике энергии лабораторного генератора оставалось меньше пяти процентов.

Парень подошел к ней сзади.

– Знаешь, об этом…

– Мм?

…

– Кха… – Она зашаталась и упала, зацепившись рукой за цилиндр контура. – Что… что ты…

– Знаешь… я еще думал, что с тобой делать, ноо… совершенно недопустимо, чтобы Мириам получила доступ к этим данным, – он подошел к столу и взял красную папку.

– Честно, я думал, что профессор давно двинулся умом, а ты – просто его шлюшка, думал, что ваши исследования ровно то, что о них думали другие – липа, прикрытие для финансирования академии. А ты смогла меня удивить.

Лиз оторопело смотрела на торчавший из груди нож с мерцающим темным лезвием.

– Я ведь еще два года назад умолял тебя бросить его, заняться чем-нибудь полезным, зря ты меня не послушала. А теперь… пора заканчивать здесь.

– П-почему?..

– Почему? Десять лет назад, когда профессор занялся работой над этим, – он скривился, – порталом, никто не отнесся серьезно к его работе. На всякий случай меня послали следить за ним, и я следил, следил, пока не пришла ты, и он моментально забыл обо мне. Лучшая ученица, молодой гений, ты была тем, кто мог подтолкнуть его работу в нужную сторону. Я пытался сблизиться с тобой, и у меня получилось. И всё же… всё же, я едва не опоздал.

– Ах да, почему? Понимаешь, есть люди, которые резко против создания порталов. У них есть причины так думать… но тебе об этом знать уже необязательно.

Он подошел к лежащей девушке и поднял её, легко, как будто ее тело ничего не весило.

– Итак…глухой ночью глупая помощница профессора решила запустить портал, не стала никого просить о помощи, и, конечно, напортачила. Дай подумать… да, она шагнула в портал, а вернуться уже не смогла.

Силы почти покинули Лиз, она лежала руках парня и смотрела на него со смесью ужаса и ненависти.

– Т-ты был здесь, они это поймут, – прохрипела она. – Профессор…

– Профессор, узнав о потере любимой ученицы и провале работы всей его жизни покончил с собой. Невероятная трагедия для всего научного мира. И не волнуйся, меня здесь не было… ты ведь не заметила? Этот Гаситель сотрет все следы моего пребывания, остается только

разобраться с одним вопросом…

Он подошел к порталу и вгляделся в синие волны.

– Ты говорила, что вошедший туда человек сохраняет связь с нашим миром? Даже если выживешь – потеряешь силу и назад вернуться уже не сможешь, так что прости… у нас не осталось времени.

– *Я… выживу… вернусь… и… убью… тебя…*

– Разве что чудом. О, кстати, передавай привет своему дорогому профессору, вам будет, о чем поговорить там, по другую сторону, – парень рассмеялся и размахнувшись, бросил девушку и портал. Проводив ее взглядом, он повернулся к консоли управления. На темной поверхности горели алые буквы предупреждения «Критический уровень энергии. Рекомендуется принудительный возврат подопытного».

– Даже так… – Парень несколько секунд смотрел на консоль и, наконец, нажал «отмена». По всей комнате завыли сирены, их тяжелый звук раздавался как будто издалека.

– Как меня это достало, – он вздохнул и провел рукой в воздухе снизу-вверх, стягивая к себе сгустившуюся пелену Гасителя. Звук сирен стал громче, во все стороны разлетались искры от еле живых контуров. Не обращая на это внимания, парень прошептал заклинание, стирая все следы своего пребывания в лаборатории, и вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Недостаточный уровень энергии в рабочем контуре вызвал повреждение портала и перегрузку контуров, не способных поддерживать его работу. В результате взрыва обрушились расположенные выше этажи академии, погибли тридцать четыре ученика и три преподавателя. Прибывшие на место спасатели несколько недель разбирали завалы. В ходе расследования выяснилось, что к делу причастна Лиз Измер, двадцати шести летняя аспирантка, ученица печально известного профессора Кантса, потратившего последние десять лет своей жизни на разработку мифического «портала в другое измерение». Осталось неизвестным, что именно исследовали профессор и его ученица, однако ходят упорные слухи, что взорвался именно портал, построенный в тайне от научного сообщества на деньги честных налогоплательщиков. Эти слухи вызвали волны массовых протестов и все работы в данном направлении были свернуты, а руководство академии отдано под суд. Судьба профессора и его ученицы и по сей день остается неизвестной.

Душа сирены-2, глава 0

Черновой вариант начала второго тома "Сирены". Читать, только если вы дочитали до конца первый вариант романа. Как только будет дописан второй вариант - этот текст отправится на переработку.

31 октября, через день после битвы на корабле. Зал Совета.

– Миллиана, вы подтверждаете слова брата? Руфус действительно сообщил вам, что передал свой дар Натаниэлю?

Мила злилась. На себя, на предателя-брата, на Руфуса, вдруг оказавшегося не таким порядочным, как она всегда считала. На старейшин, которые вместо показательной казни решили устроить разбирательства. Кипящие в ней чувства заставляли громко всхлипывать, изо всех сил сдерживая слёзы и желание немедленно отправиться за головой Сирены.

Сидевшие за столом мужчины, конечно, понимали, в каком она состоянии. Знали, как девушка относилась к «дяде Руфусу», так что ничуть не удивились, услышав протестующие вопли:

– Нет! Дядя этого не делал, Рик вам соврал! Её надо убить! Почему вы её не убили??

– Ох… – Феликс потёр переносицу и продолжил ласково, словно уговаривая ребёнка. – Мила, я понимаю, как тебе сейчас тяжело, но, пожалуйста, не пытайся нас обмануть. У тебя же всё на лице написано.

Долго выдержать пристальный взгляд старейшины Мила не смогла. Всхлипнула ещё раз и отвернулась, признавая тем самым его правоту.

Следующим слово взял Риджис – страж с неприятным костлявым лицом, обожающий чётко проговаривать каждое слово в своих длинных монологах.

– Я полагаю, Феликс, бессмысленно спрашивать, почему девочка не доложила нам о проступке Руфуса. Несомненно, причина в безграничной преданности тому, кто заменил ей отца. Однако, остаётся вопрос: почему промолчал Рикард? Насколько я помню, они с Руфусом практически не общались. Хотя, быть может, я ошибаюсь? Молодой человек, вы не могли бы развеять мои сомнения?

– Не ошибаетесь. Но я не думал, что Руфус сам полезет в драку. И не хотел расстраивать Милу. Ведь он просил её никому не рассказывать.

– То есть, вы посчитали, что Руфус может разочароваться в Миллиане? Перестанет ей доверять?

– …Да.

– Хм… И вам неизвестна причина, по которой Руфус решил лично участвовать в битве?

– Нет.

Рик ответил без заминки. Он в самом деле не знал, что заставило всегда спокойного стража превратиться в безжалостного убийцу. Ответ мог скрываться в промокших книгах, которые парень забрал из комнаты Руфуса, но прочесть их он не успел – весь день ушёл на расшифровку телефонных звонков – единственного доказательства связи с Нейтом, в которое могли бы поверить старейшины.

– Хм… Маркус, возможно, вы хотите что-то добавить? – Спросил Риджис после долгого жевания губы. – Или вы считаете, что потеря одного из нас не является весомым поводом для беспокойства?

Риджис повернулся к третьему старейшине – одетому с иголочки брюнету, до сих пор не сказавшему ни слова. Фотографии моделей на экране планшета, казалось, занимали его куда

больше, чем вопрос выживания Сирены.

Так он и ответил – не поднимая головы:

– Ри-иджис, вы что, не слушали нашего мудрого главу? Детишки ни в чём не виноваты, так же, как и госпожа Тэранс. Смерть всё равно скоро придёт за ней, так зачем её торопить? И вообще – лично я очень хочу познакомиться с Дарьей поближе. Навещу её, когда она очнётся – уверен, у нас найдутся общие интересы.

– Мы в курсе ваших пристрастий, – поморщился Феликс. – Но, пожалуйста, станьте серьёзным хоть на минуту. Здесь решается судьба человека, способного убивать стражей, а вы…

– Друг мой, – Маркус наконец оторвался от планшета, – в прошлый раз мы единогласно решили оставить Сирену в живых. Мы ведь все понимали, на какой риск идём, поэтому, пожалуйста, – передразнил он Феликса, – не делайте вид, будто случилась трагедия века. Старик сам виноват – полез, куда не просили, не рассчитал силы, вот и отправился в лучший мир. Так о чём тут спорить? Скажите своё слово – и можем расходиться. У меня как раз контракт горит, ещё полчаса – и денежки уплывут. А мне бы о-очень этого не хотелось.

Контракт горит… Маркус надёжен, как тысячелетняя скала, но действовать будет только когда основательно припечёт. Сейчас от него никакого толку. Риджис загружен делами, Мила чересчур импульсивна, значит, на замену Руфусу остаётся только Рикард… Но можно ли ему верить?

От частого трения переносица уже начала побаливать. Феликс вздохнул, отпил минералки и приготовился слушать истерику Миллианы.

– Хорошо… Вы уже достаточно взрослые, чтобы мы учитывали ваше мнение в решении важных вопросов. У нас три голоса за, один – против и ещё один – воздержался. Таким образом, Мила, прости, но… боюсь, жизнь Дарьи мы вверяем в руки её друзей. Заседание окончено.

***

Охрипшая от криков Мила испарилась, едва шагнув за порог зала Совета. Оставлять сестру в таком состоянии Рик не хотел, переместился следом, потом заглянул в лабораторию, но и там никого не оказалось.

Нашлась Мила в спальне Руфуса. Сидела на кровати, положив голову на колени, и сверлила стену убийственно мрачным взглядом.

Рик осторожно, стараясь не спугнуть её, присел на краешек кровати. Надо было успокоить девушку, но что он мог сказать? Что Руфус всё равно должен был умереть? Просто случилось это чуть раньше, чем они сами планировали?

Должно же что-то измениться после того, как сёстры окончательно свихнулись?.. А если нет? Тогда, если я скажу ей правду, она тут же помчится к Феликсу? Ч-чёрт, это будет конец всего…

Додумать он не успел, Мила первая открыла рот.

– Почему? – спросила она безжизненным голосом. – Почему ты защищаешь эту тварь? Почему ты так меня ненавидишь?

Ненавижу?

– Я тебя ненавижу? Что за чушь ты несёшь?

– Чушь? Не-ет. Я знаю. Не понимаю, откуда, но точно знаю – ты всегда хотел его убить. Его, меня – всех стражей. Почему?

Рик с огромным трудом взял себя в руки. «Что-то» в самом деле изменилось – теперь в голове Милы царил абсолютный хаос. Малейшая неосторожность в ответе – и сестра сорвётся.

– Ты ошибаешься – я никогда не желал тебе зла. Ни тебе, ни старейшинам, как тебе в…

– А ты знаешь, – Мила прервала его, и сама продолжать не стала – захихикала, сотрясаясь всем телом. Потом вдруг схватила его руку, сжала и с силой отбросила в сторону. – Когда ты

врёшь – у тебя большой палец на правой руке дёргается. Вот так.

Она слегка качнула пальцем, улыбаясь кривой, насквозь фальшивой улыбкой.

– Видишь, да? Сейчас ты мне соврал.

– Н-нет, я…

– Ну хватит уже, – Мила неуклюже слезла с кровати, разгладила длинную юбку и, оглянувшись на брата, сказала: – Не знаю, почему ты стал таким, но мне всего-то надо прибить эту дрянь – и проблема решится. Больше никто не умрёт. А ты… лучше иди к Феликсу. Скажи ему правду, пока ещё не поздно. Пока я сама не пошла к нему.

Смысл этих слов Рик уловил не сразу – и еле успел выдернуть Милу из телепорта. Она взвизгнула, машинально попыталась уйти ещё раз, и не смогла – Рик крепко держал ставшие общими потоки дара – маленький секрет, мешающий телепортации, которым, кроме него, владел лишь единственный подопытный кролик по кличке «Странник».

– Пусти меня!

– Нет! Ты что, собралась нарушить приказ старейшин?

– Да они мне спасибо скажут за её голову!

– Мила! Даша ни в чём не виновата! Её смерть не вернёт тебе Руфуса!

От такого аргумента Мила на мгновение застыла. Но когда это мгновение прошло – она завопила так громко, что Рик чуть не оглох.

– ЗАТО Я СМОГУ СПАТЬ СПОКОЙНО! КОГДА БУДУ ЗНАТЬ, ЧТО ОНА БОЛЬШЕ НИКОМУ НЕ НАВРЕДИТ! НИ МНЕ, НИ СОВЕТУ, НИ ДАЖЕ ТЕБЕ! ПУСТИ МЕНЯ, ПРИДУРОК! НЕМЕ…

Хлопок! И тишина.

Конец перепалке положила звонкая пощёчина. Мила дёрнулась, впервые в жизни почувствовав сильную боль. Недоверчиво коснулась щеки свободной рукой и, как-то совсем по-детски, спросила:

– А?..

– Хватит, пожалуйста, – умоляюще сказал Рик. – Я клянусь тебе – Даша никому не будет вредить. Тем более нам. Она слишком добрая для этого.

Конечно, такого аргумента надолго не хватило. Растерянность на лице девушки сменялась злостью, в потухших глазах вновь разгорались огоньки дара, и лихорадочно соображавший, что он ещё может сделать, Рик понял – времени изобретать правдоподобные сказки у него не осталось.

Я не могу сейчас промолчать. Не могу просто выложить всё – с такой кашей в голове она ни за что не поверит мне. Но… что мне ещё остаётся?

– Если ты меня сейчас же не отпустишь – я тебе врежу, – пообещала девушка. – Ты ведь знаешь, я сильнее. Ненамного, но этого хватит. Отметелю тебя, а потом пойду к ней и убью всех, кого встречу. Слышишь? Всех убью. Не будет свидетелей – не будет проблем.

Она дёрнулась, пытаясь вырваться. В физической силе Мила, конечно, уступала брату, но вот по части силы стражей…

Мила права – я не смогу её долго держать. Эта способность ещё слишком слабая. А если мы устроим драку – сюда сбегутся все старейшины, и шансов помириться с ней вообще не останется. Чёрт!

– Я! Сказала! Пусти! Меня!

Ещё одна попытка. В этот раз у Милы почти получилось; она и сама это поняла, прищурилась, собирая дар для последнего рывка. В воздухе закружились тонкие нити энергии, стирающие созданную Риком связь.

Дальше тянуть было некуда. Парень зажмурился на мгновение, отбросил сомнения и на

одном дыхании выпалил:

– Хочешь знать правду??

***

Летнее кафе. Брат с сестрой улыбаются в камеру, фокус которой наведён на растопыренные буквой «V» пальцы.

Тускло освещённая комната. На полу сидит Мила, жуёт свернутый в трубочку кусок пиццы, пальцами другой руки поглаживая потёртый геймпад. Рядом лежит его близнец – новенький, чистый, будто только что из магазина.

Залитая белым светом лаборатория. Мила сидит перед светящимся экраном. На столе справа – обгрызенный по краям кусок шоколадного торта, слева – огромная фарфоровая кружка, гравированная золотыми буквами: «20 лет – ещё не старость!».

Мила невольно улыбнулась. Бросила телефон и, приложив ладонь ко лбу, принялась копаться в памяти.

Из сотни фотографий она смогла узнать штук двадцать, остальные походили на фрагменты чужой, совершенно незнакомой ей жизни. Слова Рика, сидевшего рядом, – бред сумасшедшего, но эти снимки…

Я бы узнала фотошоп. Точно узнала бы. Они настоящие, но это ведь ничего не доказывает. Рик опять врёт! Я никогда не предала бы дядю! Никогда! Я не могу… не хочу в это верить!

Мысли путались. Чем больше Мила пыталась вспомнить, тем сильнее болела голова. Словно кусочки давно выброшенного пазла, много лет пролежавшие в пыли под шкафом, вставали на свои места фрагменты прошлого. Вставали – и никак не могли сложиться в цельную картину. Слишком мало их осталось после вмешательства сестёр.

– Даже если ты говоришь правду… – пробормотала Мила после долгой паузы. – Это всё равно ничего не изменит. Я больше не хочу помогать тебе. Я всё равно пойду к Сирене. Она должна умереть, ради всех нас.

Уверенности в её голосе и в помине не было. Поднажать немного – и девушка сдастся; но за то время, пока она листала фотографии, Рик так и не придумал, что он ещё может сказать.

Лишь на краю сознания крутилась безумная идея. Удобное решение, на которое намекал Странник в последнем их разговоре, за несколько часов до суда. Тогда Рик сразу послал его, а сейчас, глядя на свесившую ноги с кровати сестру, изо всех сил пытался избавиться от чувства, что это – единственный выход.

– Ничего не изменилось, – повторила Мила. – Не знаю, чем я думала, когда соглашалась помогать тебе. Старейшины умрут сами, через двадцать, тридцать лет. Да какая разница, когда? Ты же не ребёнок, чтобы пытаться сбежать из дома только потому, что родители чего-то от тебя требуют. А ты не просто хочешь сбежать – ты хочешь убить их и занять их место. А ты подумал, как нам будет тяжело? Мы же ничего не смыслим в управлении миром. Или ты думаешь, этот Странник тебе поможет? Скорее он убьёт тебя и сам захочет править миром! А я…

Голос, почти дошедший до крика, вдруг оборвался. Мила опустила глаза, смяла простыню в гармошку, закончив тихим, еле слышным шёпотом.

– Я не хочу тебя терять…

Мила… – Рик стиснул зубы, задавливая боль в сердце. – *Неужели Ник был прав? Или я просто убеждаю себя? Да, я начал всё это, когда был глупым ребёнком, но я не могу сейчас остановиться! Мы слишком далеко зашли!*

Он осторожным движением развернул к себе поднявшуюся с кровати девушку. Мила не сопротивлялась, но потоки дара вокруг неё затрепетали, вновь собираясь в синий узор телепорта.

– Так будет лучше, – сказала она, глядя в глаза брата. – Когда они умрут – ты успокоишься.

Не бойся, я ничего не скажу старейшинам, пусть думают, что ты не смог меня удержать.

– А если я не смогу её убедить?

– А если не сможешь… Давай не будем проверять, кто из нас сильнее – я или Мила. Всё-таки она ещё не доросла до полноценного стража, а со мной сейчас – вся сила Виктора и Нейта.

– Рик? Не мучай себя, просто отпусти мою руку. Пожалуйста.

Если бы ты хотела уйти, – Рик часто заморгал, приходя в себя, *– ушла бы, пока я тут предавался воспоминаниям… Ты ведь хочешь… хочешь, чтобы я убедил тебя остаться, да?*

Промолчав, он поднялся и шагнул вперёд, так близко, что почувствовал на лице тёплое дыхание. Мила инстинктивно отшатнулась и тут же застонала от боли – Рик, не жалея сил, вцепился в её плечи.

– Я… не хочу, чтобы ты уходила. Мы поклялись всегда быть вместе. Что бы ни случилось. Понимаешь? Я… тоже не хочу тебя терять.

– Поклялись быть вместе?.. О чём ты?

– Мы… *– Да решайся уже, идиот!* – мысленно наорал на себя Рик. – Мы всегда любили друг друга. Всегда! Раньше я молчал, потому что сёстры предупредили меня, чтобы я не пытался вернуть твою память. Пока действовал их дар – это могло убить тебя. А сейчас он ослаб, и я… Я люблю тебя, понимаешь? Я не хочу, чтобы ты уходила!

Милу словно мешком по голове ударили. Мысли разбились на миллионы осколков, сердце бухнуло и упало куда-то вниз. Она открывала и закрывала рот, силясь сказать хоть слово, но получались лишь тихие «ха-а…».

Он… что? Этого быть не может… Нет… Такое нельзя забыть… Нельзя… Он врёт…

– Мы поклялись защищать друг друга! Поклялись идти до конца вместе! Если бы старейшины узнали о нас – я спас бы тебя ценой своей жизни, понимаешь?? Я сделаю всё возможное, чтобы вернуть тебе память; но если ты сейчас пойдёшь к Даше – я никогда тебя не прощу!

Рик уже и сам не понимал, сколько в этих криках правды. Мила смотрела на него широко открытыми глазами, в уголках которых поблёскивали слёзы, и выглядела такой потерянной, что он не сдержался – притянул её к себе и поцеловал – так нежно, как только мог.

Сжавшиеся было кулаки быстро расслабились. Мила повисла в его объятиях и очень скоро заплакала. Одна половинка её души хотела провалиться под землю, сбежать далеко-далеко, забыть обо всём, что случилось. Другая же…

Почему?.. Почему мне так тепло?..

– Это не честно, – шепнула она, когда Рик наконец отстранился. *– Не честно… Дядя…*

– Тише, – Рик повёл пальцами по щекам девушки, стирая слёзы. *– Ты должна понять – Он знал, на что шёл. Что бы ты не делала – ты не сможешь его вернуть. И пусть я не смогу заменить Руфуса, но я никогда не брошу тебя. Никогда не предам. Никогда, слышишь? Я всегда буду рядом. Всегда буду любить тебя.*

Такой бури эмоций Мила не ожидала. Грусть, радость, смущение от его слов горячими волнами разливались по телу. Мешали думать. Не в силах решить, что делать дальше, она опустилась на кровать, и, дождавшись Рика, прижалась к нему, пачкая одежду новыми ручейками слёз.

– Т-ты… правда… п-правда…меня… л… лю…

Рик пригладил мягкие каштановые волосы, вздохнул и отрыл рот, собирая для ответа последние крупицы самообладания. Не важно, что он на самом деле чувствует. Подумать об этом, решить, кто для него эта девушка, можно будет потом. А пока что…

– Знаешь, *сестрёнка…* Такими вещами не шутят. Я правда люблю тебя. Сейчас – и всегда.

4 ноября. Через пять дней после битвы. Школа им. Святого Патрика.

Шарик на конце ручки появляется и исчезает с тихим щелчком. Соседи не замечают – они слушают Валерия Петровича, объясняющего домашнее задание.

Хотя, даже если бы сейчас шла контрольная – вряд ли кто-то рискнул бы потревожить ушедшую в себя девушку. Её глаза опухли от слёз, непричёсанные волосы торчали во все стороны, а левая рука, обвешанная медицинскими датчиками, была заметно бледнее остального тела, словно из неё выкачали всю кровь.

Ниа бродила по школе в таком состоянии с тех пор, как вернулась из небольшого отпуска. Остаться с Дашей ей не дали – посовещались и решили, что в обществе одноклассников волшебница быстрее придёт в себя.

В чём-то они были правы – после визита популярной певицы нашлось много желающих «дружить», вот только искренности в этом желании не было совсем. Общаться же с этой новой, подавленной Ниа, они вовсе не захотели.

Ей было всё равно: приходила в класс – садилась за парту и погружалась в воспоминания. Каждый урок, каждый день, в школе и дома – перед глазами мелькали искажённые картины прошлого.

…Тогда я пойму, как к тебе относиться, – шептал склонившийся над ней Макс. – *Как к девчонке, или как… к женщине.*

…Когда-то меня называли «Душителем», – усмехался Руфус, сжимавший Дашину шею. – *Вы не представляете, как я ненавидел это прозвище.*

…Ты… Жи…ви…

– Вопросы? Нет вопросов. В таком случае – урок окончен, все свободны. Ах да, не забудьте завтра принести деньги на ремонт физкультурного зала. Иначе не получите допуск к экзаменам.

До звонка оставалось ещё десять минут, но геометрия – последняя в расписании. Ребята похватали портфели и, весело болтая, потянулись к выходу. На Ниа они даже не взглянули.

Валерий Петрович, пожилой учитель, большую часть жизни посвятивший служению науке, сунул в портфель стопку исписанных листов, стёр с доски уравнения, кинул тряпку в ведро и только тогда заметил, что в классе остался кто-то ещё.

– Ниа? Вы почему ещё здесь? У вас всё в порядке?

Она, похоже, не услышала его, так и продолжала сидеть, щёлкая ручкой. На девственно чистую тетрадь падали редкие слёзы.

Валерий, подойдя к ней, легонько потряс за плечо.

– Ниа, проснитесь. Урок уже закончился.

– А?.. – Она непонимающе моргнула.

– Я говорю, урок уже закончился, – учитель выпрямился, почесывая лоб. – Не желаете объяснить, что с вами случилось? Например, что у вас с рукой?

Пальцы мелко дрожали. Успокоить эту дрожь девушка на могла и, сглотнув горькую слюну, сунула руку в карман.

– Всё с ней нормально…

Ниа два дня не появлялась в школе, и только сейчас Валерий, работавший заодно классным руководителем, понял, что его смущает. Весёлый детский голосок, растягивающий гласные, куда-то пропал, лицо ученицы заострилось, как будто она разом повзрослела на пару лет.

– Нормально? – спросил он, нахмурившись. – Уверены? А что у вас с голосом?

– С ним тоже всё нормально…

Она бросила взгляд на экран телефона, и, ойкнув, принялась поспешно собираться.

Не успеваю… Может, Нику позвонить?

– Ниа, – учитель словно мысли её прочитал. – Может, стоить позвонить вашим родителям? Вере Михайловне и… Виктору, кажется? Может, хотя бы они объяснят, что с вами творится?

– Не надо, – пробормотала она после секундной паузы. – Вы… простите, я пойду.

– Куда же вы пойдёте одна в таком состоянии? Домой, я надеюсь?

На этот раз пауза была куда дольше. В конце концов, ничто не мешало Валерию Петровичу навести справки, так что Ниа решила сказать правду. Подняла голову и тихим голосом ответила:

– Нет. На похороны… друга.

Она явно не шутила. Валерий прочистил горло, уже жалея, что спросил. Вспомнил, в каком состоянии был сам, когда узнал о смерти жены, и поразился – насколько же сильной оказалась эта хрупкая девочка.

– Ох… Понятно. Хорошо, идите, я вас не задерживаю. И… можете пока отдохнуть дома, не стоит себя мучать.

– Спасибо.

Призрак прежней, знакомой учителю, улыбки, скользнул по губам. Она схватила висевшую на стуле курточку и ушла, провожаемая тяжёлым взглядом.

– *В таком возрасте терять близких…* – Валерий подцепил ключ от класса за кольцо, тряхнул им пару раз и крепко сжал кулак. – *Бог ты мой… Куда мир катится?*

***

Спокойно уйти из школы Ниа не смогла – задержалась в туалете, приводя себя в порядок, и на полпути к лестнице столкнулась с давней знакомой – старостой Алишей. Та всё ещё пыталась перещеголять вампиршу из популярной манги – короткая полосатая юбка, рубашка и пиджак блестели серебряными вставками; в центре свисающего на грудь креста светился огромный рубин. Стоил этот наряд целое состояние, но деньги, как и презрительная ухмылка на лице старосты, Ниа сейчас не заботили.

Она развернулась, собираясь спуститься на первый этаж по другой лестнице, но ошарашенная такой наглостью Алиша быстро пришла в себя. Догнала уходящую спокойным шагом девушку и, схватив за плечо, развернула обратно.

– Слышь, ты чё, охренела? В глаза мне смотри!

– Чего тебе надо? Я спешу…

– Спешит она, – фыркнула староста. Своим расстроенным видом Ниа даже умудрилась смутить её. На долю секунды. – Куда эт ты спешишь? К певичке своей, что ли? Чёт я её давно не видела, сдохла поди. А может ты ей бабла за тот раз отвалила? И нихрена она те не подружка? А?

Ниа зажмурилась, сжалась, став вдруг на ладонь короче. И ничего не ответила, только губы задрожали. Это ещё больше распаляло – раньше девчонка вообще никак не реагировала на грубость, поэтому к ней никто не лез – какой смысл оскорблять безмолвную стенку? Странное чувство опасности тоже исчезло… По крайней мере, так думала Алиша.

– Слы-ышь, ты чё, оглохла? Отвечай, мать твою! Ты чё такая убитая? А-а, погоди-ка. Мож у тя крыша съехала? И ты эту певичку грохнула? А? Ты…

Она осеклась, когда Ниа подняла глаза, вспыхнувшие жёлтыми огнями. Такого страшного зрелища Алиша не ожидала – перед ней стоял готовый к броску хищник, оскаливший острые зубы.

Староста с трудом подавила желание сбежать. Она – главная в школе – боится каких-то огоньков??

– Чё эт за фокусы? Ты чё, напугать меня решила? Хрен те! Только пальцем меня тронь – вылетишь отсюда, как пробка из бутылки! Дошло, сучка ты мелкая?

Больше терпеть Ниа не смогла. Боль, обида, ярость вырвались наружу громким воплем и

тонкой струйкой воздуха, коснувшейся бока Алишы.

– УЙДИ С ДОРОГИ, ТВАРЬ!

Алиша не была одарённой, малейшего дуновения хватило, чтобы она, не успев как следует испугаться, со всего размаху врезалась в стену.

Когда кровавая пелена спала, Ниа медленно подошла к старосте, проверила пульс и, судорожно вздохнув, повернулась к лестнице. Она не стала звать на помощь – чувствовала: останься здесь ещё немного – и желание добить врага вернётся. Перевесит здравый смысл.

А становиться настоящей убийцей в день прощания с Максом Ниа не хотела.

***

– А… Али! О-очнись, Али! О-очнись! Ч-что с тобой? П-пожалуйста, очнись!

А-ах… Хватит так орать…

Кто-то дёргал её за плечо, вырывая из объятий приятного сна. Этот урод никак не унимался, и Алиша, всем сердцем желая послать его подальше, с трудом разлепила тяжёлые веки.

«Уродом» оказалась Кира, одна из членов школьного совета. Вернее, две Киры. Или три?..

– Т-ты живая? С-слава Богу… А т-то я иду, с-слышу, к-кричит кто-то, а… а т-тут ты лежишь. В-встать можешь?

– Молчи-и… А-ау…

Пропустив мимо ушей раздражающе заботливую болтовню, Алиша поднялась, опираясь на стену.

Затылок тут же кольнуло болью. Что-то тёплое капало на воротник рубашки; чувствуя лёгкое головокружение, она провела пальцами по волосам и тупо уставилась на покрывшую их красную жидкость.

– А?.. А-а-а! У-у т-тебя кровь! Т-тебе в медпункт надо, т-там сейчас…

– Кончай вопить! Ай… Платок дай, быстро.

Алиша вытерла пальцы, решив пока не обращать внимания на разбитую голову. Растерянность быстро сменилась злостью, первым желанием было догнать Ниа и хорошенько ей врезать, но эту идея сразу отправилась в утиль. Девчонка торопилась куда-то, и уж точно не стала бы ждать, пока староста очнётся.

Да не важно, разобраться с Ниа она всегда успеет. Проблема в другом: на провалы в памяти Алиша не жаловалась. На зрение – тоже. По крайней мере, до этого дня.

Эта сучка толкнула меня в стену? Как? Она же не коснулась меня… Или коснулась? М-мать, как больно…

– П-пойдём в медпункт, т-там Петровна дежурит, она п-поможет. П-пожалуйста, Али.

Кира заикалась от волнения. Мерзкая привычка, хорошо хоть волновалась она всего в двух случаях – когда перемывала косточки очередному парню, и на контрольных – а там болтовни обычно не бывает.

– Заткнись, я сказала… А-ах…

Смена закончилась, в коридоре они были одни. Вот и отлично – ещё одной вопящей «подружки» Алишина голова не вынесет. Ещё хуже, если их заметит учитель – проблем не оберёшься, родителей в школу вызовут, и как им объяснишь, что проиграла в драке с какой-то полоумной мелочью?

Может у меня самой крыша едет? Не могла же она меня кинуть? Бред какой-то… Но какого хрена тогда случилось?

Блуждающий взгляд наткнулся на видеокамеру, закреплённую на потолке. Она висела далеко, но…

То-очно. Никуда ты от меня не денешься, дрянь ты такая! Сядешь надолго, это я те

гарантирую!

Дьявольская улыбка продержалась недолго. Хватило одного шага – голова закружилась, чуть не отправив старосту в обморок. Идти в таком состоянии к охраннику – просто самоубийство, только он-то ждать не будет. Проверит записи в конце второй смены – и поднимет шум на весь мир, а ей хотелось убедиться, что мозги уцелели. Хотелось вдоволь насладиться беспомощностью девчонки, прежде чем натравливать на неё полицейских.

– Кира, – Алиша сорвала с пиджака значок старосты. – Бери его, дуй к Михалычу. Скинь на флешку запись с камеры. Скажи – я тя послала. Дошло, нет? Быстро дуй! И чтоб он сам эту запись не видел… А, ч-чёрт…

– Д-да ты падаешь уже! – воскликнула та. – Я т-тебя не брошу!

– Ты чё, оглохла? Быстро рван…

Алиша с тихим стоном опустилась на пол. Сил стоять у неё уже не было.

Какая стенка приятная. Как лежать удобно…

– Потом Петровну зови… А я… отдохну… тут…

Она ещё успела вообразить картину рыдающей под ударами хлыста Ниа, довольно улыбнулась и рухнула в бездонную пропасть сновидений.

4 ноября. Дом Ника.

В центральном зале небольшого кирпичного дома с трудом уместились восемнадцать человек – десять светлых, шесть тёмных, Сэм Бартон, который оказался двойным агентом, и формально соблюдавший нейтралитет Странник.

Гости к нему заходили очень редко, тем более в таком количестве. Мебели на всех не хватило, пришлось довольствоваться лишь кожаным диваном, простым деревянным стулом и принесённым с кухни табуретом. Благо, разговор обещал быть коротким, так что одарённые не стали жаловаться на плохой приём – разбились на группы возле дивана, на который усадили избранных в безумной спешке лидеров, и принялись ждать, обмениваясь мрачными взглядами.

С левой стороны расположилась Анжела Линдери – известная актриса с приятным овальным лицом, тонкими руками и длинной фиолетово-белой чёлкой. Скрестив ноги, она перешёптывалась о чём-то с Евгением Васильевым – коренастым бородатым мужчиной, опустившимся на пол рядом с ней. Эта семейная пара возглавила боевую часть светлых, а мирную, как и прежде, оставили на Роуз.

С правой стороны ёрзала, пытаясь занять удобное положение, Си Ен Мин – низкорослая кореянка с удивительными золотыми глазами, в глубине которых, если долго вглядываться, вспыхивали пурпурные искры. Самой девушке эта особенность не нравилась, управлять ею она не могла и предпочитала прятать глаза за стёклами толстых очков.

Но сегодня случай был особый. С тёмными Сэм уже успел поговорить, так что очки остались в машине, припаркованной возле дома – разбить их в драке с несговорчивыми светлыми Си Ен не хотела. А в том, что драка случится, сомневаться не приходилось – слишком уж дикими казались требования нового хозяина.

Как интересно, – думала она, изучая окружающие Странника потоки энергии, похожие на крошечные кометы с длинными огнистыми хвостами. Ничего подобного Си Ен раньше не видела, а в свете «обычного» второго зрения его аура казалась призрачной, почти неотличимой от ауры обычного человека. – *Бартон советовал быть осторожной… А этот слизняк разбирается в людях. Так кто ж ты такой, мальчик? Новый Виктор? Или… нечто большее?*

Ник заметил её интерес в тот самый момент, когда девушка плотоядно облизывала губы. Насмешливо приподнял брови, как бы говоря: «Ну и что дальше?» Си Ен резво спрятала язычок, и парень, фыркнув, погрозил ей кулаком.

Хах, по крайней мере, с чувством юмора у тебя всё в порядке…

– Мы ещё кого-то ждём? – раздражённо спросила Анжела. – У нас самолёт через два часа, хотелось бы закончить побыстрее. В отличие от этих, – она кивнула в сторону рассевшихся на ковре тёмных, – у нас полно неотложных дел.

– Ждём Веру и начинаем, – ответил Ник, взглядом призывая слуг не реагировать на провокацию. – Я обещал ей показать один… фокус.

***

Хм, похоже, я не ошиблась – драка будет жаркой. А может ты этого и добиваешься? Тогда, надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Нас тут слегка маловато.

Внешне Си Ен оставалась спокойной. А внутри уже прикидывала пути отступления. Сэм и прислонившаяся к стене Вера – не воины, выходит – десять против шести, не считая Странника. Все они участвовали в последней войне, так что представление о способностях друг друга имели. Преимущество явно было на стороне светлых.

Но ты ж не идиот, мальчик? У тебя есть план. Давай, покажи этим олухам, кто тут босс.

– Так, пацан, давай-ка уточним, – заговорил Евгений. – Ты ждёшь от нас помощи в битве с Советом. Ты хочешь, чтобы мы объединились с тёмными под твоим началом. И с каждым из нас ты хочешь заключить контракт, который сделает нас рабами. Я ничего не забыл?

– Ничего, – кивнул Ник.

Спокойствие мужчины тут же сменилось откровенным презрением. Он сплюнул на ковёр и старательно растёр плевок носком ботинка.

– Ты нас за идиотов держишь? Насколько больным надо быть, чтобы предлагать *такое*?

Снисходительные улыбки остальных светлых выражали те же чувства. Анжела, поднявшись на ноги, встала рядом с мужем.

– В самом деле, как там тебя… Странник? Ты всерьёз думаешь, что мы согласимся?

– Почему нет? – пожал он плечами. – Что вы теряете?

– Что теряем? Да ты в самом деле больной.

Анжела потёрла лоб, вздохнула и принялась объяснять, загибая пальцы:

– Во-первых, мы ничего не имеем против стражей. Не станет их – планета утонет в крови. Одарённые всех мастей ринутся к вершинам власти, начнётся мировая война. Это ты понимаешь?

Вместо ответа Ник задумчиво кивнул.

– Видимо, нет… Во-вторых, американцы и русские уже предложили вступить в их ряды. Нейт, к сожалению, всегда был против объединения, я же уверена – это пойдёт на пользу всем нам. Как минимум, будет проще искать и обучать новичков. А вопросы руководства этим союзом – дело десятое; одарённых на земле слишком мало, чтобы пререкаться из-за таких мелочей.

– Это… звучит логично, – пробормотал Ник. – Ещё что-то?

– Тебе мало? Хорошо… Ты сказал, стражи потеряют защиту, но останутся такими же сильными. То есть сохранят и способность к телепортации, и всю мощь боевой магии. Это значит – пока мы разбираемся с одним, он разберётся со всеми нами! В одиночку! А их там пятеро! Так на что ты вообще надеешься? Будешь бегать по всему зданию, искать этот ключ, пока мы жертвуем собой? А может сам в драку полезешь? Да тебя любой из нас как муху прихлопнет, по уровню дара ты даже слабее Нейта!

Анжела сама не ожидала, что к концу речи сорвётся на крик. Масла в огонь подливал продолжавший кивать, как заводная игрушка, Странник. Ни один мускул не дрогнул на его лице, и выглядело это как самое настоящее издевательство.

Вместо парня подала голос Вера, разливающая по чашкам свежую порцию кофе.

– Слабее Нейта? – переспросила она. – Анжи, ты не представляешь, как сильно заблуждаешься. Отказ станет самой большой ошибкой в твоей жизни.

– Ручную шлюху Виктора никто не спрашивал! – отрезала та. – Повторяю для глухих: мы не станем рисковать собой ради призрачного шанса увидеть мир, свободный от стражей. Нам такая свобода НЕ нужна. Если у вас всё – мы уходим!

Оскорбление целительница пропустила мимо ушей. Кинула в чашку сахар, размешала и полезла в карман за сигаретой.

– Мин, – негромко позвала она.

– Хм?

– Сейчас начнётся веселье, – Вера щёлкнула зажигалкой. Затянулась, по комнате поплыл приятный запах дождливого леса. – Сидите тихо и наслаждайтесь зрелищем. Не вмешивайтесь, в этом нет необходимости.

Нахмурившись, Си Ен повернулась к двери. Возле неё столпились светлые, и, воспользовавшись «орлиным взором», девушка поняла, почему: зал был окружён плотным оранжевым барьером, намертво запечатавшим выход. Когда кто-то ударил по невидимой преграде воздушным молотом, тот просто растворился, как сахар в горячей воде.

– Интересные у тебя глаза, – хмыкнул Ник, наблюдая за растущим у двери недовольством. – Виктор о них знал?

– Что ты, если б знал – я бы жила в городе, – она довольно улыбнулась промелькнувшей в мыслях картине. – Я их недавно получила, от одного милого скромного мальчика. Ах, вы не представляете, с какой радостью он с ними расстался. До сих пор вспоминаю его счастливую мордашку.

– Счастливую, говоришь… Ну-ну.

– Да я правду говорю, – хихикнула девушка. – Зуб даю! А глазки не дам – они мне самой нужны. Хотя-я, ты можешь меня заставить. Если хочешь.

Ник не успел придумать достаточно ехидный ответ – вернулись светлые, так и горящие желанием разбить кому-нибудь голову. Возглавлял процессию Евгений; остановившись в центре комнаты, он принялся изливать накопившуюся злобу.

– Пацан, тебе жить надоело? Или ты просто идиот? Сказали же – мы не собираемся на тебя работать! Что тут, мать твою, непонятного?? Снимай этот… что ты там поставил, пока мы добрые!

– Пацаном я был, когда вас ещё в планах не было, – спокойно ответил Ник. – Вы, похоже, многого не понимаете. Так вот, позвольте пояснить: во-первых, в живых останутся минимум два стража. Пока подрастает новое поколение – вы поможете им отлавливать нарушителей порядка, ну-у, или наоборот – вместе с ними начнёте завоевание мира. Только не говорите, что вам это не интересно – ни за что не поверю.

– Завоевание мира вместе со стражами? – Анжела вздохнула, сокрушённо качая головой. – Нет, тебе определённо надо лечиться. Что за чушь ты несёшь?

– Во-вторых, – Ник проигнорировал её комментарий. – Про группы из других стран пока забудем. Слишком велик шанс утечки, а заключать контракты направо и налево я не могу – чем больше народа, тем меньше дара у меня останется. Печально, но-о что поделать – не считая вас и всех тёмных, запасов мне хватит… человек этак на десять. Не волнуйтесь, остальные светлые продолжат жить обычной жизнью, я не собираюсь убивать всех подряд ради дармовой силы.

– Как великодушно, – съязвила актриса. – Да за такую доброту надо орден вру…

Закончить она не успела – вздрогнула от неожиданности и застыла с открытым ртом, когда вылетевшая из пустоты цепь притянула к Страннику Евгения. Сияющие звенья сдавили шею

мужчины, подвесив его в полуметре над полом, а другой конец цепи обхватил запястье парня.

– В-третьих, – сказал он всё тем же ровным тоном. – Ты правильно поняла – пока вы будете развлекать стражей – я успею найти ключ. Неприятно, конечно, быть пушечным мясом, но после всего, что я рассказал – вы всерьёз хотели вот так просто взять и уйти? Нет уж, как бы пафосно это ни звучало – отсюда вам две дороги: либо к нам в команду, либо на кладбище. Выбирайте.

Первым пришёл в себя Давид – высокий, на голову выше Анжелы, силач, привыкший полагаться на кулаки и дар, с которым они легко пробивали бетонные стены, а кроме того, могли «разбивать» материальные дары других людей.

Цепь, хорошо заметная и без «второго зрения», явно была материальной. Пока остальные соображали, как реагировать на выходку Странника, Давид рванул вперёд, за секунду преодолев отделяющее его от парня расстояние. Схватился за цепь обеими руками и дёрнул.

Звенья с мелодичным перезвоном разлетелись на куски, лишь для того, чтобы, собравшись заново, образовать вторую сияющую змею, спеленавшую замершего Давида, как младенца.

Теперь надо полом висели двое. Висели – и почему-то не пытались сопротивляться. То ли потеряли сознание, то ли…

– Они живы, конечно, – ответил Ник на невысказанный вопрос побледневшей Анжелы. – Это просто парализующий яд. Виктор за свою долгую жизнь немало весёлых даров насобирал.

– Отпусти их! – завопила актриса, стряхивая оцепенение. – Немедленно!

– С чего мне это делать? – Он картинно махнул рукой. Цепи натянулись, натужно заскрипели, хотя ни грамма настоящего ржавого железа в них не было. Мерзкий звук резко охладил пыл уже готовых всей толпой накинуться на Странника людей. – К сожалению, дар контракта можно заключить только на добровольной основе. Так что скажу ещё раз – или вы с нами, или мне придётся забрать ваши дары и ваши жизни. А мне бы этого очень не хотелось.

– Мне тоже, – заметила Вера, кинув в чашку догоревший бычок. – Я ведь пришла сюда узнать, как вы отреагируете на связь с Ником. Не вздумайте меня разочаровывать, соглашайтесь. В конце концов, кроме помощи в битве с Советом нам от вас больше ни-ичего не нужно.

Помощи в битве?.. Всего-то?

– Анжи, послушай, – актриса вздрогнула от тихого голоса Рины. Непривычно серьёзная медноволосая девушка поднялась на цыпочки, дотянувшись до уха Анжелы. *– Мне кажется, у нас нет выбора. Я не понимаю его дара – такие потоки даже мышь в воздухе не удержат, а он держит двоих. А ещё эти тёмные, сейчас они сидят тихо, а если нападут? Мы ведь даже сбежать не сможем.*

– Но... А стражи?

– Придумаем что-нибудь. Во всём можно плюсы найти, так ведь? Ну… скрываться больше не придётся. Школу магии откроем, будем детей учить, как вы с Женей всегда хотели. Помнишь?

Мы с Женей… Это же просто глупая мечта.

Анжела затравленно оглянулась. Друзья кивали по очереди, бросая преисполненные ненавистью взгляды на ухмыляющихся тёмных и троицу у компьютерного стола – Ника, Веру и Сэма, которые терпеливо ждали судьбоносного решения.

Если мы умрём здесь – она уж точно не сбудется… – Анжела зажмурилась, до боли сжав кулаки. *– А если примем этот контракт… Победим мы – начнётся новая эра, свободная от стражей. Победят они, убьют этого гада – я смогу убедить их пощадить нас. Я всегда умела убеждать! Значит…*

– Мы… – *Надо только выжить. Что бы ни случилось!* – Мы согласны.

Да-а, мальчик, Бартон в тебе не ошибся, – Си Ен довольно облизнулась, наблюдая, как

приходят в себя освобождённые пленники. – *Ты не Виктор. Ты намного, намного интереснее*.

Страница книги Прототипы в интернете